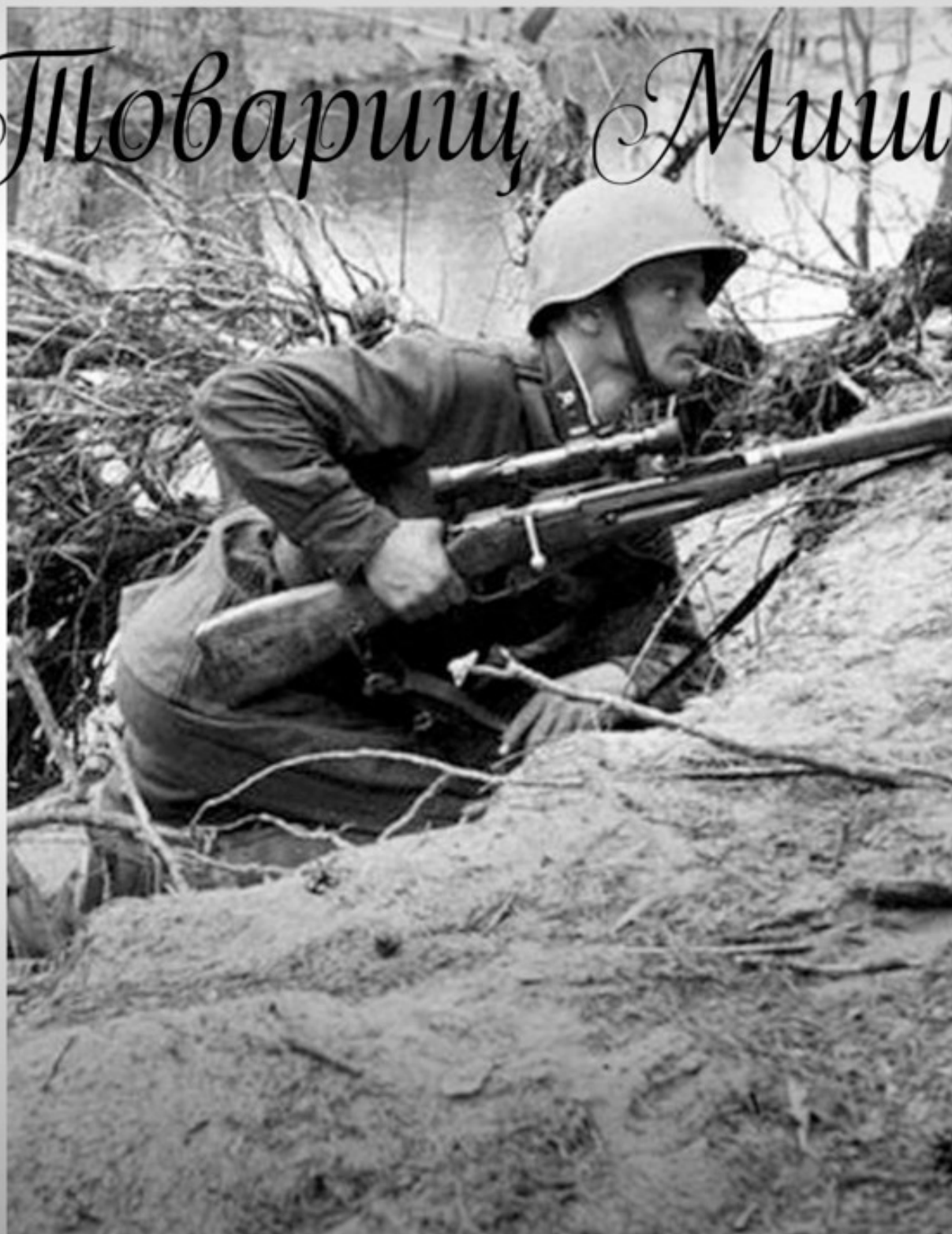

Евгений Косенков

Товарищ Миша

ЕВГЕНИЙ КОСЕНКОВ

Товарищ Миша

«Издательские решения»

Косенков Е.

Товарищ Миша / Е. Косенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510412-0

Нигде не работающий молодой парень идёт с «друзьями» в ночной клуб, напивается и внезапно оказывается в июне 1941 года под Минском на сборном пункте. Ничего не умеющий, не понимающий, он становится посмешищем. Но в процессе развития событий ему приходится менять себя. Он открывается с другой стороны — становится снайпером. Выходя из окружения под Минском, попадает в окружение под Могилёвом, затем под Брянском...

ISBN 978-5-00-510412-0

© Косенков Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Товарищ Миша

Евгений Косенков

© Евгений Косенков, 2020

ISBN 978-5-0051-0412-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дружеская вечеринка в ночном кафе закончилась полным отключением сознания и «доставкой» друзьями беспомощного тела Мишани Пананина в сторону его дома...

Часть 1

Под Минском

Диван лениво скрипнул под тяжестью, лежащего на нём тела. Белый, с рыжим оттенком кот, поднял заспанную мордочку и недовольно фыркнул. Компьютер мерно гудел в углу комнаты. Солнце слегка пробивалось сквозь зашторенные окна. Всё было как обычно. Наступило утро нового дня.

Мишка нехотя открыл глаза, непроизвольно зевнул, голова гудела.

– Проснулся? – послышался голос из другой комнаты. – Завтрак на столе. Отец уехал в командировку на три месяца. Не забудь сходить в магазин.

В соседней комнате что-то упало, передвинулось.

– И ещё. Мне надоели твои еженедельные пьяные оргии и неменяемое состояние после. На какие деньги ты гуляешь? И когда собираешься на работу устраиваться? Сколько можно продавливать диван и сидеть в интернете? С девушкой бы познакомился, а то одичал совсем...

Михаил накрылся одеялом с головой, которая раскалывалась, напоминая о вчерашнем вечере.

– Началось, – раздраженно буркнул он, прикрывая голову подушкой.

Через некоторое время стукнула входная дверь. Мишка откинул одеяло, сполз с дивана и в трусах уселся за компьютер. Заначка в виде бутылки пива ослабила дикую боль. Просматривая почту, сортировал сообщения. Незнакомый адрес привлёк неожиданно внимание. Некая Виолетта Комарова предложила встретиться сегодня в час дня в кафе. Мишка почесал затылок.

– Поди ехать придётся на другой конец города, – буркнул он, но внизу сообщения мелким шрифтом стоял адрес. – Так это... Через дорогу!

Он быстро написал согласие на встречу и довольный потёр руки.

– Никаких усилий! А рыбка попала в сеть!

Настроение резко улучшилось, и Мишка принялся приводить себя в порядок. Давно он так резво этого не делал. Позавтракал, даже посуду помыл, отчего наверняка мать будет прибывать в шоке. В коридоре висело зеркало в полный рост и он, пробегая мимо него, вдруг остановился.

Небольшого роста, с круглым лицом и животом, давно не стриженными волосами и не бритый, он больше походил на Карлсона, чем на обыкновенного мужчину.

– Мда..., – пробормотал он, поглаживая живот. – Сказочный персонаж. А ведь мне, дай бог память, двадцать четыре. Эх...

Настроение поползло вниз. Спорт он никогда не любил, институт забросил на третьем курсе, поработал грузчиком на рынке месяц и уволился. В армию не взяли, нашли какое-то заболевание. Вот теперь сидит дома. Интернет, диван и книги о «попаданцах» составляют большую часть времени изо дня в день. Особенно завораживали книги о героях, которые оказывались в прошлом и вопреки всему меняли историю так, как они хотели. Встречались со Сталиным и Берией, рассказывали им о будущем, указывали, как правильно воевать, строить заводы, что необходимо развивать, какие полезные ископаемые и где искать, кто из военачальников талантлив, а кто нет, кого обязательно выпустить из тюрьмы. Герои воевали на фронтах и в немецком тылу, и всегда выходили победителями из различных, даже заведомо проигрышных ситуаций. Короче втянулся в этот неторопливый ритм и ничего другого не хочется. Да и боялся менять налаженную жизнь...

Быстро побрился, причесал волосы, облился отцовским одеколоном (своего-то никогда и не было).

Взгляд упал на часы. Пора на randevu.

Летний тёплый ветерок шебуршал в листве деревьев. Народу во дворе почти не встречалось. Неспешной походкой прошёл до кафе. Взявшись за ручку стеклянной двери, отпрянул, словно обжёгшись.

– Током что ли? – прошептал он, и опять взялся за ручку.

Дверь открылась. В зале лишь за двумя столиками сидели по два человека. Мишка, осматриваясь, проскользнул к дальнему столику у окна и сел спиной к стене, чтобы видеть всех, кто войдёт, а заодно и то, что творится на улице. Именно так делали герои любимых книг.

Потягивая сок из высокого стакана, Мишка, вскоре горько усмехался.

«Уроды. Развели по полной. Сейчас, наверно, смеются надо мной. Девчонка пригласила на свидание. Как бы ни так. Сидел бы лучше за компом, и всё нормально б было».

Он уже порывался встать, когда в кафе вошла симпатичная блондинка небольшого роста и сразу направилась в его сторону.

– Привет, – кивнула она и присела, напротив. – Извини, немного опоздала. Женщины всегда опаздывают на свидание.

Девушка улыбнулась и протянула руку.

– Виолетта.

– Миша, – зачарованно ответил он, пожимая маленькую нежную ручку.

– Слушай, не подумай там чего нехорошего, но может, лучше пойдём к тебе домой?

Не хочется что-то сидеть на людях.

Ошеломлённый таким предложением Мишка чуть не впал в ступор. Такого он не ожидал даже в самых смелых фантазиях. Его затрясло, приходилось говорить почти сквозь зубы, потому как челюсти предательски старались застучать друг о друга.

– Пойдём, – выдал он, наконец.

Соседки на скамейках у подъезда застыли в изумлении, провожая их застывшими взглядами.

В подъезде Виолетта засмеялась.

– Представляю, что они сейчас там о тебе говорят.

– Что им ещё делать?

Девушка вела себя уверенно, словно в квартире Мишки она частый гость. А тот не знал, как себя вести, суетился, всё делал невпопад.

– Чаю, может, предложишь даме? – хитро спросила она, прищурилась весёлые голубые глазки.

– Конечно, счас, мигом! – Мишка умчался на кухню.

Виолетта по-хозяйски прошла по квартире, мельком оглядев все комнаты. Мишкино гнездышко её интересовало больше. Пробежала глазами по столу с компьютером и не убранному дивану. Её заинтересовала книжная полка, заваленная огромным количеством книг. Она провела рукой по плотно стоявшим томам и выдернула случайный томик. Немного пролистав, поставила назад.

– Миша, а почему все тебя зовут Мишка? Ни Миша, ни Михаил, а Мишка?

– Так получилось, – показался в проёме озадаченный парень.

– Нет, я ничего не имею против, но как-то звучит пренебрежительно.

Мишка исчез на кухню еще более озадаченным.

– Книг у тебя много. Это всё ты прочитал?

– Практически всё, – послышался приглушённый голос.

– И какие книги тебе наиболее интересны?

Мишка вошёл с подносом, на котором стояли две чашки чая, ваза с печеньем и розетка с вареньем. Подкатив ногой к креслу небольшой столик, он аккуратно поставил поднос, и при-

гласил гостью отведавать угощение. Но та не спешила и ждала ответа, устремив на Мишку свои прекрасные глаза.

– О «попаданцах» люблю читать. Как они попадают из будущего в прошлое и меняют весь ход истории, – глаза рассказчика заблестели. – Дают советы Сталину и Берии, налаживают производство техники будущего, и...

– Ты считаешь, что это реально, указывать руководителю страны как надо строить государство?

– А почему нет? – изумился тот. – Человек-то из будущего!

Мишка проговорил последнюю фразу чуть ли не по слогам, воздев кверху указательный палец.

– Ну, хорошо, пусть будет так, – Виолетта немного задумалась. – Скажи мне, кем ты считаешь себя на данный момент?

– В смысле? – оторопел Мишка.

– Ты не работаешь, сидишь на шее родителей, общественных нагрузок не имеешь. То есть, получается, ешь и спишь. За тебя работают другие, одевают, кормят, пишут книги, чтобы ты мог читать. А что сделал в этой жизни ты? – взгляд Виолетты резко изменился, глаза стали колкими, пронзительными. – Ты же животное, овощ, не способный ни на что. Вчера, чтобы погулять с друзьями, ты украл у отца деньги. А эти деньги он отложил на день рождения твоей матери послезавтра.

Мишка под неожиданно изменившимся взглядом девушки сжался. Его словно тряхнули так, что он забыл не только слова, но и весь алфавит.

– Я человек... – выдавил он из себя фразу, которая больше была похожа на писк.

– Человек так себя не ведёт, – голос девушки становился твёрдым, командным. – Решение по поводу тебя принято. Я была против, чтобы дали второй шанс, но согласилась на то, что ты окажешься в другом времени в своём теле, со своим багажом знаний в самый трудный час для своего отечества.

– Как это? Как? Вы не посмеете. И кто эти вы? – он задохнулся от нахлынувших чувств. Буря эмоций пронеслась перед глазами девушки.

– Не всё ли равно, кто? Главный вопрос – куда!

От решительного стального голоса у Мишки волосы встали дыбом.

– Я не хочу никуда. Здесь дом, здесь мама, – забормотал он и взвизгнул. – Я жить хочу!

– Вот и поживёшь, если овощ вообще может жить.

Виолетта грубо схватила Мишку за шиворот и потащила к балкону. Тот вяло упирался, а когда она попыталась перевалить его через парапет, то резко схватил её за туловище и увлёк за собой.

– Я туда перейти не смогу, мне в другую сторону. А твоя новая жизнь только начинается или...

Фраза осталась незаконченной. Всё вокруг завертелось, закружилось и сознание погасло.

– Долго еще будешь сидеть? Там сотни будущих бойцов Красной Армии в очереди стоят. Бегом!

Крик подействовал. Мишка подпрыгнул и побежал к выходу.

– Сидор заberi! – крикнул кто-то сзади и в спину прилетел тряпичный мешок из разноцветных лоскутков с небольшим содержимым, больно ударив чем-то твердым в плечо.

– Клоун, – проговорил высокий парень и ухмыльнулся.

По очереди прошел смешок. Мишка вышел на улицу, и здесь его направили в другую очередь.

«Меня обстригли!»

Он провел рукой по короткому ежику волос. Немного огляделся. Вокруг мужики в какой-то старой одежде, лица серьезные. Недалеко военный с двумя кубиками в петлицах. Кричит на кого-то, тычет рукой в сторону. Лето. Солнце жарит на полном серьезе. Мишка осмотрел себя.

«Странная поношенная одежда, стоптанные кирзовые сапоги. Круглый животик на месте, даже нащупал рубец от аппендицита. Тело мое. Но где я? И вообще, что это за толпа? Не могу вспомнить, как я тут оказался».

Мысли лихорадочно переносились с одного на другое. Обрывки воспоминаний никак не желали складываться в одно целое. Он понимал, что вокруг чужие люди другого незнамого ему мира, но поверить в это не мог. Происходящее вокруг казалось нереальным, странным хорошо прорисованным сном. Высокий парень с латанным перелатанным рюкзаком крутился перед Мишкой. То, перекрикиваясь с кем-то, то махая кому-то рукой. Похоже, что он многих знал и его знали. На веснушчатом, с постоянной улыбкой, лице были такие же смешливые голубые глаза. Создавалось впечатление, что парень все обо всем знал. Мишка осторожно дернул его за рукав странного комбинезона. Парень резко обернулся.

– Чего? – спросил он, продолжая улыбаться.

– Куда нас? – вдруг спросил Мишка, хотя вопрос был подготовлен совсем другой.

– На фронт. Куда еще, – пожал плечами тот, и хотел отвернуться.

– Какой фронт? – опешил Мишка.

– Ну не в тыл же.

– Так я вот не пойму, что случилось то? – пробормотал Пананин. – Вроде только что дома был, а теперь...

– С бодуна что ли? – засмеялся парень. – Ну, ты даешь! Второй день как война идет, а он ни слухом, ни духом.

К разговору стали прислушиваться и, вскоре, со всех сторон полетели шуточки в сторону Мишки.

– Не дрейфь! – толкнул его в плечо, стоящий позади мужик. —Немец, конечно, силен, но остановим. Потом дадим по сусалам так, что портки потеряет.

– Опять немцы?

– Опять. В шестнадцатом годе били и сейчас побьем.

Мишка завис.

«Какой такой шестнадцатый год? Вроде Россия в 2016 году с немцами не воевала. Чего они гонят. И вообще, что за маскарад, что за фронт?»

– Немец-то прет. Город за городом берет. Гродно вообще сдали сразу, – чуть слышно сказал кто-то из очереди.

«Гродно? Так это же Беларусь! Россия тут при чем? Пусть даже мы помогаем им, но туда же войска должны отправлять подготовленные...».

Мишка осекся. Внезапная вспышка в голове заставила по-другому посмотреть вокруг.

«Я что, в прошлом? Такое разве может быть? Тут явно что-то не так. В прошлое попасть можно в фантазиях и „попаданческих“ романах, а в реальности это нереально».

– Фамилия, имя, отчество, – раздался требовательный голос.

– Мой? – переспросил Мишка и икнул.

Военного немного передернуло, но он справился с мимикой.

– Твой, – последовал насмешливый ответ. – Пить меньше надо.

– Пананин Михаил Ильич.

– Год рождения?

– Год? А... правда... в шестнадцатом...

Договорить Мишке не дали. Вопрос повис в воздухе, оборванный в самом начале. Его толкнули в другую очередь, и «попаданец» забыл, что хотел спросить у военного, который запи-

сывал на бумагу каждого, кто подходил к его столу. И эта очередь подошла к концу. Немолодой военный со множеством красных треугольников на воротнике, молча, окинул взглядом призывника, кивнул головой, отошел к разложенным стопками обмундированию, выбрал нужную гимнастерку с шароварами и протянул Мишке. Тот хотел идти, но военный задержал за рукав. Протянул вещмешок, портянки, ботинки и две, смотанные в рулон черные матерчатые полоски шириной сантиметров десять.

– Следующий, – деловито буркнул он и повторил все в точности, что проделывал до этого.

Следующая очередь привела к другому военному, который вручил пачку патронов, ремень с подсумками, небольшую квадратную сумку из парусины, стеклянную фляжку для воды, алюминиевую кружку, овальный котелок с ложкой, саперную лопатку в чехле, противогаз в сумке и каску. В последней очереди выдали винтовку, трехлинейку, записав номер напротив фамилии. Мишка чиркнул пером по желтой бумаге, поставив небольшую кляксу.

– Переодевайтесь, через полчаса построение, – прокричал военный в фуражке, внимательно рассматривая призывников и добровольцев.

Во время переодевания Мишка поглядывал по сторонам. Получалось, что народ делили на несколько групп. Вон та, дальняя группа, уже в полном обмундировании грузится в полуторки. Соседняя группа построена в две шеренги и перед ними ходит, наверное, офицер.

«Стоп. Офицеров вроде в Красной армии нет. Командиры. Званий так вообще не знаю. Кубики, треугольники, ромбики. Фиг разберешься. Еще бы разобраться с тряпками, которые сунули вместе с ботинками и прочей дребеденью. Сбежать тут невозможно. Пока. Я, что похож на дурака, который будет погибать на какой-то войне, которая закончилась черт его знает, когда. Нет уж, дудки. Ну и как они мотаются? Почему сапоги не дали? Жалко, что ли? Может сказаться больным? В больничку положат, а там сбежать по-тихому. Чего этот офицер на меня так смотрит? Лучше бы помог разобраться с этими тряпками, чем улыбаться».

Он вывернул свой мешок, чтобы переложить содержимое в выданный вещмешок и удивился тому, что там оказалось. Шмат сала и чистые портянки было нормальным, а вот остальное. Небольшой старый чугунок для варки картошки на печи, моток веревки, вырезанная из куска дерева кукла, несколько небольших тряпичных мешочков с чем-то непонятным и глиняная свистулька.

– Сразу видно, на войну собирался! – загоготал молодой парень, который на сборном пункте стоял в очереди перед Мишкой. – Чугун на голову, веревку на шею и свистульку в зубы! Фашист как увидит, ему не до войны будет!

Мишка растерянно обвел взглядом смеющихся мужиков. Скользнул по ухмыльнувшемуся лицу командира. Хотел было оставить лишнее здесь, но потом быстро покидал все в вещмешок, краснея от множественного внимания.

– Шустрее, боец! Хватит ловить ворон! – гаркнул совсем рядом командный голос, вырывая Мишку из раздумий и заставив работать руками намного активней.

Окрик, правда, предназначался совершенно другому человеку. Вот только Мишка понял, что он попал. И попал так крепко, что прежняя жизнь стала казаться сладким сном. Он еще и суток не провел в новом для себя времени, а ощущения реальности происходящего уже накрыли его с головой.

– Товарищ командир! – Мишка обратился к военному, стоявшему недалеко от него.

– Представьтесь, боец!

– Пананин.

– Красноармеец Пананин! И при обращении не забываем: Разрешите обратиться!

– Я вот чего хотел спросить...

– По уставу боец! По уставу! – жестко отреагировал военный.

– Разрешите обратиться? – немного вытянувшись, вскинул руку Мишка, немного опешив от резкого ответа.

– Обращайтесь, – ответил военный и невольно бросил взгляд на выпирающий живот красноармейца.

Мишка подобрался, но животик не пожелал втягиваться и продолжал висеть, не взирая на все старания своего владельца.

– Нас сразу под танки?

– На передовую, боец, а не под танки. Но пока в резерв. Тут обстановка на фронте меняется с каждым часом. Все может случиться, – военный шумно вздохнул. – Сейчас нас увезут на полигон, постреляете хоть немного. Разборку, сборку оружия проведете.

– А когда будет обед? Кушать уж сильно хочется, – проговорил Мишка и увидел жестко блеснувшие глаза командира.

– По приезду на место будет полевая кухня.

Переодетые в форменное обмундирование мобилизованные военным приказом рабочие, крестьяне, служащие с суровыми лицами застыли в строю. Военный, с которым разговаривал Мишка, вышел на середину перед строем. Обвел взглядом новоиспеченных красноармейцев.

– Бойцы! Враг пришел на нашу землю! Уничтожает наши города и села, убивает мирных граждан, рвется к Минску. Фашистские самолеты бомбят Минск и другие мирные города нашей Родины. И сейчас вы слышите разрывы бомб на северной окраине города. Неужели мы не в состоянии остановить фашистских захватчиков? Здесь наша земля, наш город, наши семьи. Неужели мы допустим их уничтожения? Встанем грудью на защиту нашей советской родины!

Военный немного помолчал, окидывая тяжелым взглядом замерший строй.

– Шоферы есть? Три шага вперед!

Вышло двое.

– У здания, где вас подстригали, найдете лейтенанта Семьгина и поступаете в его распоряжение. Остальные, налеее-во, шагом марш за мной!

Колонна остановилась в тени какого-то двухэтажного здания.

– Вольно! Ждём машины и грузимся. Машины будут минут через десять-пятнадцать.

Мишка неожиданно ощутил, что ему надо в туалет. И не просто уже надо, а очень надо!

– Мужики, где тут тубзик? – обратился он к рядом стоящим красноармейцам.

– Чего где? – не понял парень с пилоткой, надвинутой на глаза.

– Туалет, спрашиваю, где тут? – огрызнулся Мишка.

– Приспичило чишо? Ну, я туть, думаю, всюду сортир.

– Да вот там отходное место, – махнул в сторону полутораметрового сплошного деревянного забора сосед справа. – Токмо обегать придется. Там метров триста с энтой стороны и метров триста с той.

Терпеть уже было невозможно. Мишка рванул из строя в ту сторону, словно бегун на короткие дистанции.

– Стоять! – закричал лейтенант, пытаясь вытащить из кобуры пистолет. – Стрелять буду!

– Та он у сортир побёг, товарищ лейтенант.

– Припёрло парня, вона как летит!

– Пятки сверкают!

– Да там не разберёшь, что сверкает! Пятки или ещё что!

Строй солдат веселился. Отпускал шуточки вдогонку. Мчавшийся к препятствию Мишка, не замечал, что каска съехала на ремне и бьет по ногам, не чувствовал тяжести винтовки и вещмешка. В голове билась всего одна мысль – успеть! Он ворвался в деревянный туалет без кабинок. В полу вырезана ромбовидная дыра. На ходу рванул с плеча винтовку, с трудом расстегнул ремень, каска глухо стукнув по настилу, откатилась в сторону. С каким наслаждением Мишка ощутил облегчение. Оглянулся по сторонам, а туалетной бумаги тут не было и в помине. В стороне лежал обрывок газеты, чем он и воспользовался. Натянув штаны,

уже неспешно вернув на место каску и винтовку, Мишка удивленно смотрел на выросший перед ним забор.

– Не понял, когда успели забор поставить?

Подойдя к нему вплотную, он вытянул руки и понял, что не то, что перебраться через него не сможет, но даже залезть. Пришлось обходить вокруг.

– Вон, спортсмен идет! – услышал Мишка чей-то голос, и весь строй засмеялся как по команде.

– Отставить смех! – с трудом сдерживая улыбку, отдал команду лейтенант. – Красноармеец Пананин, почему покинули строй без спроса?

– Так это, – Мишка мгновенно стал пунцовым, – в туалет срочно, надо было... успеть...

– Успел?

– Успел.

– Прыжками в высоту занимался?

– Какими прыжками? – опешил Мишка.

– Ты сиганул с разбега через полутораметровый забор и даже не зацепил его. И при этом в руках винтовка, а за плечами вещмешок с боеприпасами. По твоей комплекции и не скажешь, что спортсмен.

Мишка недоуменно пожал плечами.

– Встать в строй.

И тут же раздался голос другого командира.

– Рота! По машинам!

Полуторки, натужно гудя, уже час ползли в непонятном для Мишки направлении. Он всматривался в серьезные лица новых товарищей, пытаясь понять, о чем те думают. Ведь впереди всех ждала неизвестность. И у каждого из них своя судьба.

Мишка прикрыл глаза. Вспомнил, что еще недавно был дома, в своем времени, и будущее было стабильно диванным. Но, вдруг, все изменилось, да так, что расслабиться не получается. Вот и сейчас кто-то толкнул его в бок локтем. Мишка хотел высказать по этому поводу наглому бойцу пару ласковых словечек, но открыв глаза, понял, что-то произошло. Бойцы быстро спрыгивали вниз и строились в колонну по два. Справа длинной стеной тянулся лес. Слева небольшой лесок, за которым виднелся следующий. Дальше пехота пылила пешком, отвернув от дороги в сторону ближнего леса.

– Бегом, марш! – скомандовал военный и побежал впереди отряда.

Через некоторое время поступила команда перейти на шаг. Мишка обливался потом, живот урчал и просил есть, ноги казались ватными, винтовка постоянно была по спине и тяжело оттягивала плечо. Каска болталась на ремне и постоянно смещалась к центру, словно намереваясь ударить по интересному месту. Живот, как ни странно, не мешал и не сковывал движения. А вот портянки в ботинках сбились, обмотки (онучи) ослабли и начинали сползать. Мишка понимал, что еще немного и останется без ног. В своем времени, он уже бы сидел на траве, скинув ненавистные обувки, но сейчас держался из последних сил и молил всех святых, чтобы не размотались трехметровые обмотки.

– Умыться, почиститься, привести себя в порядок и обедать.

Последнее слово было как бальзам на душу. Пот заливал лицо. Раскрасневшийся Мишка упал на траву, размотал онучи, сбросил ботинки, сорвал портянки и увидел содранные кровавые мозоли.

– У, боец, ты, похоже, уже не боец, – сказал кто-то за спиной Мишки. – Санинструктора сюда! Это же надо так умудриться!

Пока Мишка разворачивался, чтобы посмотреть на того, кто отдал команду, как рядом приземлилась запыхавшаяся девчужка лет восемнадцати с выгоревшей на солнце длинной чел-

кой. Курносый носик с чуть заметными конопушками произвел на пострадавшего неизгладимое впечатление, отчего он даже подпрыгнул на месте.

– Вы не бойтесь, – прожурчал словно ручеек чудо голосок, поражая Мишку приятными интонациями. – Немного пощиплет и все. Вот только заживать будет долго. Что же вы так неосторожно.

Девушка улыбнулась.

Слово «неосторожно» кольнуло Мишку, оно прозвучало так, как говорила когда-то мама. Перед глазами возникла картинка из далекого детства...

– Миша, что же ты так неосторожно с великом? Сам вымазался в грязи и ребятишек всех обрызгал.

Под ложечкой засосало до такой степени, что захотелось не просто плакать, а рыдать. Хотелось обнять родителей, таких близких и самых родных на свете.

Из приятных воспоминаний его бесцеремонно выдернули.

– Эй! Очнись! – какой-то боец тряс его за плечо.

– Чего, – пробормотал Мишка, возвращаясь в реальность.

Девушки медсестры рядом не было.

– Ничего! Обед! Без жратвы останешься. Твой рюкзачок-то с голоду высосет тебя всего, и до фронта не доберешься!

Вокруг засмеялись, продолжая работать ложками. Мишка покраснел, схватил котелок и босиком побежал к полевой кухне.

– Пузо придержи, а то оно бежит к котлу впереди тебя, так и навернёшься!

Слегка пришедшие в себя красноармейцы зубоскалили. Мишка босой, переваливаясь с ноги на ногу, побрел к полевой кухне. Мельком заметил командирский взгляд исподлобья, оценивающе провожавшего его. В душе шевельнулось не доброе предчувствие. Даже аромат пшенной каши не сумел поднять настроение.

– Пананин! К командиру!

Мишка бросился обратно, обувать ботинки, но запутался в наматывании портянок. Приказ-то надо выполнять. Плюнув на все, он поковылял босиком.

– Товарищ командир, красноармеец Пананин по вашему приказу пришел!

– Пришел, значит, а я думал, приковылял, – усмехнулся командир, стараясь спрятать произвольную улыбку. – Значит так, боец, раз ты остался без ног и двигаться дальше не в состоянии, то поступаешь в распоряжение старшины Кисленко.

Рядом с командиром стоял усатый, жилистый военный небольшого роста, но широкий в плечах и с тяжелым взглядом человека, видевшего в этой жизни все и, возможно, даже больше. В его петлицах красовалось много красных треугольничков.

– Я бы хотел с вами..., – забормотал Мишка.

– Красноармеец Пананин, собрать свое имущество! Вы придаетесь для усиления во взвод хозяйственного обеспечения! Выполнять приказание!

– Оки, – буркнул Мишка.

– Чего? – удивился командир.

– Есть во взвод хозяйственного обеспечения, – исправился вытянувшийся, насколько позволял живот, Пананин.

Командир с трудом прятал улыбку, глядя на полноватую фигуру обмундированного бойца, и уже не скрывал своей радости от того, что сплавил в другое подразделение.

– Принимай, старшина, не обессудь, – развел он руками.

Кисленко лишь крякнул.

– На передовой сам знаешь, первая пуля его. А у тебя может еще поживет. Хотя какая от него польза, честно говоря, не вижу. Городской. Выращен в масленичных условиях. В общем, сам разберёшься.

- Почему масленичных?
- Катался как сыр в масле, а теперь вот...

Сводный отряд ушел на запад, а отделение старшины Кисленко, в составе восьми человек, направилось в расположение полка, к которому и было приписано.

– У тебя, старшина, смотри пополнение, – командир полка улыбнулся, глядя на невысокого красноармейца с выпирающим животом. – Кашевар?

– Обычный боец, товарищ полковник. Майор Стародубцев, командир ополчения, передал его нам. Говорит, что если немцы его не убьют, то он его пристрелит. Ноги стер до крови на первых трех километрах.

– Ценный кадр, значит, – усмехнулся комполка. – Давай, старшина, в свой батальон. Поставишь бойца на довольствие. Тебя, кстати, там уже заждались. Только будь осторожнее, где-то недалеко диверсантов выбросили. Так что, смотри в оба. Да и за этим поглядывай.

Первый день Мишка на войне, а уже столько всего произошло. В его времени этих событий хватило бы на целую неделю. Поручений пока никаких не давали, к тому же без ботинок он мало что может сделать. Поэтому, сидя на подводе, смотрел за тем, что происходит вокруг. Старшина в общих чертах рассказал, что от него требуется. В принципе тут все было понятно. Приказали принести – принес, приказали унести – унес, приказали помочь – помог и тому подобное. Ничего сложного. А вот девушка санинструктор нет-нет и всплывет в памяти, хоть и видел ее, можно сказать, мельком. Мишка удивлялся сам себе. Обычно девушки появлялись где-то на горизонте и исчезали без каких-либо последствий. А тут вот раз и не получается ее забыть. Даже то, что он оказался в другом времени, и совсем рядом идет война. Усталость и незнание местных реальностей отошли на второй план.

«Вот чем она могла ему запомниться вот так сходу? Тем, что на мгновение вернула в прошлое? В смысле, в будущее. Или в будущее прошлого? Стоп. Прошлое будущего. Вот это бред так бред...»

– Пананин! – старшина смотрел на новичка и с трудом старался не сорваться. – Если вы стерли ноги, то это не повод отдыхать. Почему не бриты? Побриться и марш помогать повару кухню чистить.

Мишка неуклюже вскинул руку к пилотке, сильно ударившись о болтающуюся на ремне каску.

– Эко, как несуразно, – пробормотал старшина, мазнув взглядом по животу подчиненного. – Что стоим? Выполнять!

Мишка сорвался с места.

– Стой! Винтовку кому оставил? Почему босиком? Тебе же тапки выдали. И кухня в другой стороне.

Мишка растерянно улыбался и глядел в глаза старшине.

– Выполнять, – буркнул командир и махнул рукой в сторону нового подчиненного.

Повар, красноармеец Терехин Иван Николаевич, был достаточно крупным мужчиной. Среднего роста с широкими плечами. В его руках обычный топор казался игрушкой, а половник – столовой ложкой. Он терпеливо и неторопливо рассказывал и показывал Мишке, что необходимо и как делать. Иногда, поглядывая на собеседника, он повторял сказанное. Голоса не повышал. Он был старше лет на десять или пятнадцать, но казался умудренным опытом, пожившим, и много повидавшим. Мишка как-то сразу проникся к нему. Слушал, открыв рот. Присказки и прибаутки всегда были по делу.

– Ты вот, до войны, чем занимался?

– На компе играл... На печатной машинке тексты набирал.

– То-то, гляжу у тебя руки рыхлые, мягкие, что перина. Не рабочие руки. Да, не рабочие. Но это поправимо, Мишаня. Не унывай. Война она не вечна. Живы будем, не помрем. Не то делаешь. Смотри. Во, видал? Три сильнее, дыру не протрешь.

Мишка ударился головой о крышку походной кухни и чуть не свалился под колеса.

Иван Николаевич бережно подхватил Пананина и поставил на ноги.

– Терпи, голова, в кости скована. Не получается, не беда. Научись. За один раз дерева не срубишь. Теперь ты мой второй номер. Понял?

– Это как? – опешил Мишка.

– Каком кверху через подмышку.

– Я готовить не умею!

– Тебе и не надо. Второй номер, это как подносчик снарядов. В нашем случае дрова принести, наколоть, растопить, воды доставить, за лошадьми приглядеть. И остальное, что требуется.

– Принеси-подай?

– Не всем казакам атаманами быть. Оттерпимся – и мы люди будем. Война, она такая штука. Ноне жив, а завтра землицей укрыли. Ты окромя своей машинки, что еще делать можешь?

– Много чего могу! – в сердцах выпалил Мишка и осекся. – Много чего.

Уже тише прошептал он, понимая, что слова вышли пустыми, обманными. А врать Ивану Николаевичу не хотелось.

– Сказывай тому, а я в тереме живу, – расхохотался повар. – Ладнось, трошки повоюем вместе, научись и кашу варить. У тебя для повара уже все есть.

Он опять рассмеялся, хлопнув Мишку по выпирающему животу.

– Работай, работай. Я пойду к старшине, узнаю, кормить две роты будем или только свою. Почистишь, сполоснешь и дровишек заготовь. Вон, в том леске, много сухостоя. Топор на передке кухни, ножовка в телеге. Найдешь. Приступай.

«Приступай. Нашли негра. Я вам не гастарбайтер. Командуют все, кто не попадая. И вообще, как они могут командовать, если они все уже давно умерли? Ходячие мертвецы. Настоящие зомби, только на людей похожи. Иван Николаевич, конечно, классный мужик, жаль ток, что тоже зомби. Американские фильмы самые правдивые получаются. Только зомби они изображают неправильно. Зомби такие же люди, но умершие давно. Странно, что питаются они как нормальные человеки и не рвут живую плоть. Хотя, они, конечно, мертвяки, но не зомби. Опять что-то не складывается. А если по-другому. Я из будущего попал в прошлое, значит.... Для них это настоящее, а я тут зомби.... Тьфу ты, доболтался. Для меня прошлое, а для них настоящее. И потому их могут убить и они никогда больше не воскреснут. И меня могут убить.... И меня убить? Меня нельзя, я из будущего. Я ведь еще не родился. Я никому зла не сделал. Я вообще столько врагов на своем танке в игре убил, что всем этим вокруг и не снилось. Они и не подозревают, что среди них есть настоящий герой, который еще себя покажет. Мой настоящий подвиг впереди!»

– Ну-ну, герой. Подвиг твой может и впереди, а дрова надо срочно.

Мишка покраснел. Забывшись, он последние фразы, наверное, сказал вслух.

– Я мигом, Иван Николаевич, я ...одна нога здесь, и...

– Вторая тоже уже должна быть здесь, – ухмыльнулся повар. – Доведется еще и нам свою песенку спеть.

Топор отскочил от ствола засохшего дерева и пролетел над головой Мишки, сбив пилотку. Мгновенно прошиб холодный пот. Поморгав глазами, дровосек отыскал улетевший топор, и уже двумя руками удерживая топориче, нанес очередной удар по стволу. Вот только он сделал вперед шаг и на что-то наступил. Тело подалось вперед, удар пришелся в пустоту. Лоб и ствол встретились. Крик, вырвавшийся из груди Мишки, поднял по тревоге всю хозчасть.

Когда «дровосек» пришел в себя, вокруг уже толпились красноармейцы, старшина и еще какой-то командир в синих штанах и синим верхом фуражки.

– Горе луковое, – пробормотал старшина.

Красноармейцы поняли, в чём дело и, не обращая внимания на кровавый след на лбу Мишки, разразились смехом.

Незнакомый командир пристально осмотрел раненого и ушел. Старшина поднял топор и подал повару.

– Руки-крюки. Вот что с ним делать? – старшина выдал несколько нецензурных выражений и махнул на Мишку рукой. – Иван Николаич, разбирайся с ним, мне нянчиться некогда. К двадцати ноль-ноль, чтобы ужин был готов. Ясно?

– Сделаем, товарищ старшина.

– Чего рты пораззявили? Цирк что ли? Война идёт, а они ржут как кони. Точилов, лошади готовы? Смельченко, контейнеры приготовил? Шевчук, мать твою, хватит ржать, бери Коробейника и за продуктами на склад, бумаги держи. Вирый, во вторую роту контейнеры с кашей повезешь.

Терехин поплевал на ладони и ловко срубил неподдавшееся Мишке дерево. Топорик в умелых руках страшное оружие.

Мишка пощупал запекшуюся на лбу кровь и выросшую с медный пятак, шишку.

– Не сиди, собирай. Тащи к кухне. Хороша потеха гусли, а ореха не стоят.

В тапочках ходить по лесу оказалось совершенно неудобно. Они то и дело слетали с ноги, приходилось останавливаться и искать их в траве.

И все же ужин сготовлен вовремя. Уставший Мишка закидывал в рот кашу, проглатывая не жуя.

Терехин не выдержал и засмеялся.

– Голод не тетка, пирожка не подсунет. Добавки положить?

И вторая порция залетела в рот, словно в паровозную топку.

– Наутро дровишек напили, а я баки помою.

Засыпая в небольшой походной палатке, Мишка попытался осмыслить произошедшее за день, но как, ни старался, ничего надумать не сумел. Мысли разбегались, а навалившаяся смертельная усталость, быстро отключили «попаданца», совершенно не похожего на героев прочитанных книг, от непонятного прошлого мира. Странные метаморфозы остались неразрешенными.

Пробуждение далось нелегко. Еще не взошло солнце, а его растолкали и заставили принести к палатке два ведра воды из ближайшего ручья. Болело все, что болеть могло и что болеть не могло в принципе. Голова раскалывалась. Тело реагировало болью на каждое движение. Он попытался пожаловаться на самочувствие старшине.

– Все болит. Ноги еле двигаются.

– За водой сходишь, вот и разомнешься, – ответил непреклонный старшина.

– Да как я принесу? Я не могу ногами и руками двигать, – чуть не захныкал Мишка.

– Выполнять! – рявкнул тот, нахмутив брови и сжав кулаки. – Нюни подбери, война идет.

Надо же, как действует крик. Мишка мчался с пустыми ведрами по вытоптанной тропинке с пустыми ведрами, словно у него ничего не болело вовсе. В том числе и натертые вчера до крови, ноги. И ведь тапочки ни разу не слетели! Остановившись у самого ручья чуть не заплакал.

«С ним обращаются не как с человеком, а как... как... скотом что ли? На меня дома никто никогда не кричал. Ну, высказывали там, то, се. Но не кричали. Я что мальчик на побегушках? Устроили тут войнушку, а Мишка спасай?»

Обиженные мысли скакали в возбужденном мозгу, но не мешали зачерпнуть воду. Когда Мишка распрямился, набрав второе ведро, то ощутил между лопаток что-то узкое и довольно острое.

– Хенде хох! – услышал он голос сзади. – Ты есть плен!

Холодный пот прошиб мгновенно.

«Немцы! Отвоевался. Надо как-то выжить. Может сказать, что я шел к ним? Не поверят. Может так, типа ждал, когда они придут поближе и сдать? Нет, опять что-то не то. Че придумать то?»

– Что в штаны навалил? – расхохотался кто-то сзади.

Взбешенный Мишка резко развернулся на голос, но поскользнулся, уронил ведро и сел в ручей. Злости не было предела.

– Эй, ты, чего? – забеспокоился боец, увидев налитые кровью глаза Мишки. – Я часовой – лицо неприкосновенное! Нападешь, стрелять буду!

Что остановило Мишку от расправы над шутником, история умалчивает. Впрочем, и сам Мишка этого так и не понял. Страшнее врага в тот момент для него не существовало.

На Пананина, широко открытыми голубыми глазами, недоуменно поджав губы, смотрел рыжий парень, совсем еще мальчишка.

– Звиняюсь. Думал Стёпка за водой п-пришёл, – слегка заикаясь, проговорил он. – Помочь в-вылезти?

– Да пошёл ты, помогальщик!

Вода в ручье оказалась ужасно холодной. Мишка быстро встал, отыскал слетевший тапок и набрал воды. Молча, недобро глянул на провинившегося часового, помчался к палатке.

– Пананин! Ядрит твою ногу сломит! Где прохлаждаешься? Бойцы воду ждут, а ты интимные места водой смачиваешь! Бегом! Тудыть – растудыть!

Наливая воду в рукомойник странной конструкции, Мишка умудрился облить хмурого бойца в выцветшей гимнастерке. Тот буркнул что-то в ответ и отвернулся. Через мгновение холодная вода пролилась Мишке на голову. Он дернулся, замотал головой от неожиданности, запнулся за пустое ведро, с трудом устоял на ногах.

А вокруг стоял смех, нет, не смех, гогот. Разозленный «попаданец» с перекошенным от злости лицом попытался разобраться с шутником, но сразу же был остановлен крепкими мужскими руками нескольких бойцов.

– Пананин! – старшина угрюмо смотрел на Мишку. – Приведи себя в порядок. С тобой особист желает познакомиться. Остальным приготовиться к построению.

Впервые, с момента попадания в прошлое, сердце екнуло от плохого предчувствия. В книгах, которые он читал, сотрудники НКВД были в основном недалекими, мясниками, во всех видающими шпионов и предателей. Перед глазами уже рисовались картины пыток. Вот только шел он к особисту без сопровождения, можно сказать, по доброй воле. Мишка несколько раз оглядывался и не мог понять, как так, к особисту без конвоя. В попытках сконцентрироваться на предстоящей встрече, определить, что будет спрашивать этот мясник и сочинить какую-никакую легенду, Мишка оказался у искомой палатки. Она стояла в стороне от палаток хоззвода, под деревьями, слегка склонившимися над ней. Чуть в стороне на бревне курили три бойца в форме НКВД.

Часовой хмуро взглянул на робкого красноармейца с выпирающим животиком и, не обращившись, откинул полог внутрь палатки. За небольшим столом сидел немолодой командир с обветренным лицом и шрамом под левым глазом, с коротко подстриженными волосами. Керосиновая лампа на краю стола бросала зловещие тени в полутьме палатки.

– Красноармеец Пананин по вашему приказанию явился, – голос предательски дрогнул, а рука задрожала.

– Является черт после полуночи, – закуривая папиросу, буркнул особист. – Проходи, садись, боец. Лейтенант госбезопасности Малькевич. Тут вот какое дело. Мы не нашли на тебя никаких документов. Откуда ты, где проживал, чем занимался. Так ведь не бывает, что человек есть, а следов его жизнедеятельности нет. Подозрительно все это. Что скажешь? Объясни.

Все мысли, и заготовленные фразы испарились без следа. Мишка с трудом сглотнул вставший в горле комок. Слюна стала вязкой. По лицу потекла струйка пота.

– Как, когда, при каких обстоятельствах ты оказался в Минске? – в голосе появились металлические нотки.

– Товарищ командир, я не помню, – промямлил Мишка.

Особист пристально смотрел в глаза Пананина.

– Я, может быть, и не заинтересовался бы тобой, но многое говорит о том, что ты не такой как все. Манера речи, поведение. Словно, многое из всего вокруг, для тебя открытие. Да и вид у тебя для двадцатипятилетнего парня странный. Руки белые, мягкие, без мозолей. На рабочий класс совершенно не похож, но и на буржуа не тянешь. Шпион, который ничего не умеет и не знает. Станный тогда получается шпион. Хотя, может, тебя так специально подготовили? Как настоящая фамилия?!

Последний вопрос прозвучал резко в контрасте с предыдущими фразами. Мишка вздрогнул и начал икать.

– Па..ик..нанин. Ик. Я... ик не по... ик... мню... ик... ни... ик... чего.

Особист протянул кружку с водой. Мишка, стуча краями о зубы, с трудом, но с жадностью, выпил.

– Интересное дело. Вот объясни тогда. Ты прожил двадцать пять лет, но что-то ведь осталось в памяти?

– Осталось, – обреченно пробормотал Мишка.

– Вот и расскажи. Времени у нас много. Я послушаю.

Мишка, преодолевая себя, собрался. Мысли постепенно появлялись и выстраивались в ряд. Вот только ничего вразумительного в этом ряду никак не хотелось появляться.

– Не волнуйся ты так, – усмехнулся особист, – просто расскажи и все.

Мишка вздохнул и постарался поймать разбегающиеся мысли.

– Детство и юность прошли в Новосибирске, отца не помню, мать тоже смутно, жил у дяди.

– Чем занимался дядя?

– Почему занимался?

– Ну, занимается, – поправился особист.

– Он... Партийный работник.

– Пусть так. Кем работал до войны ты? И на какой работе можно отрастить такой животик?

– Я работал... Это... Как его..., – Мишка замялся, но единственное дело, что он умел, так это набирать тексты на компьютере. – Я набирал.

– Что набирал?

– Тексты. Печатал. Там же, где дядя работал.

– Так ты специалист печатной машинки, ясно, – улыбнулся чему-то особист и закурил новую папиросу.

– В какой-то мере. Да.

– Что ж, на такой работе, наверно, можно животик отрастить, раз дядя партработник. Кулемин, слышал? Оформи, – крикнул в сторону входа лейтенант. – А вот как ты оказался в Минске?

– В командировке, – уже почти придя в себя, ответил Мишка. – Вот только забухал я и даже счет дням потерял, а тут война.

В это время один из бойцов НКВД внёс печатную машинку и поставил на стол перед Мишкой.

– Покажи, на что способен.

Мишка взглянул на клавиатуру. Раскладка ничем не отличается от компьютерной. Вот только усилий придётся приложить больше при нажатии кнопок. Повезло ещё, что бумага

заправлена, а то трясущимися руками и не сумел бы её вложить. Да и вообще смог бы вставить лист? Это вопрос.

– А что набирать?

– Чудно говоришь. Набирают текст в типографии, а на машинке печатают, – задумчиво произнёс лейтенант, разглядывая Мишку сквозь клубы сизого дыма. – Печатай. Я, Пананин Михаил Ильич, готов добровольно сотрудничать с органами госбезопасности и по возможности докладывать обо всём, что творится и происходит в части, докладывать обо всех, кто не разделяет политику партии и государства. Напечатал? Вытаскивай лист, расписывайся и поставь сегодняшнюю дату.

Мокрый Мишка, поражаясь самому себе, не отстал от лейтенанта и успел напечатать текст полностью. Дрожащей рукой вытянул лист и расписался.

– Ладно, Пананин, свободен. Пока.

Мишка вышел из палатки и побрел к кухне. Вытирая рукавом лоб, время от времени оглядывался, словно не веря, что вышел из палатки особиста живым и даже не битым.

«Странно. За мной никто не следит. Поверили, что ли? Странно. Весь инет пестрит о фанатиках, которые арестовывали и расстреливали без суда и следствия. А это какой-то неправильный гебист. Просто поговорил и отпустил. А ведь телевидение, интернет, книги твердят везде, что НКВД расстреливали всех, кто оказался на подозрении. Странно, очень странно».

– Пананин! Ко мне! – старшина с красными глазами, и злым выражением лица, стоял возле запряженной повозки, на которой выстроились контейнеры для перевозки пищи. – Значит так, красноармеец Пананин. Вот тебе кобылка, повозка, девять контейнеров с кашей, четыре ящика с консервами и две коробки с хлебом. Задача простая. Доставить в штаб полка продукты питания. Задача понятна?

– Я не умею, коняшку боюсь... – вдруг срывающимся голосом проблеял Мишка. – Я потеряюсь. Не знаю куда ехать.

– Отставить! Твою мать через коромысло в дышло, Пананин! Это приказ! За невыполнение или отказ от выполнения приказа, по законам военного времени, полагается расстрел. Мне некого больше послать. Почти всех забрали на передовую. Остались ты, Терехин и еще три бойца. Терехин! Тудуть – растудуть! Покажи, расскажи Пананину как управляться с повозкой и кобылой. Заодно объяснишь, как добраться до штаба полка.

Терехин, этакая глыба, а не человек, задумчиво посмотрел на Мишку, на повозку, закинул широкую ладонь за голову и с силой почесал затылок.

– Слухай, – спустя пару минут заговорил Терехин и начал неторопливый рассказ.

Через двадцать минут вспотевший Мишка, вцепившись в вожжи, правил кобылку по пыльной дороге вдоль небольшого леса. Клял матом все на свете и особенно ту самую блондинку Виолетту, которая изменила в корне всю его жизнь. Воспоминания выдавливали слезы, душили, даже дышать становилось трудно. Теперь его прошлое осталось в будущем, а будущее в прошлом. Все чаще хотелось бросить все и бежать куда глаза глядят, но, вспомнив особиста и рассказы из книг о войне, его сразу бросало в жар и отбивало охоту бежать. Он уже пытался вспомнить что-нибудь из истории войны, какие-нибудь события, факты, но в голове лишь возникали бравые герои книг про «попаданцев», на память перечисляющие тактико-технические характеристики всего имеющегося в мире оружия, владеющих всеми видами боевых единоборств, умеющими управляться ножом против винтовок, пулеметов и танков. Мишка ничего этого не умел. Получается, книги оказались бесполезны в прошлом. Не то он читал, выходит. Или акцентные не там расставлял. Так что до героев романов ему никогда не дорасти.

С трудом проехав сквозь встречный поток беженцев, Мишка свернул на пустую проселочную дорогу через лесок.

Выстрел прозвучал неожиданно. Пуля свистнула над головой. Мишка бросил вожжи и скатился с повозки на пыльную дорогу.

– Так то же, клоун, которого в хозчасть отправили! – крикнул кто-то и вышел из кустов, не опуская винтовки. – Выходи, клоун! Ты почему не отозвался, когда тебя окликали? Уснул что ли?

Мишка с перепачканной пылью физиономией стоял на карачках и шумно дышал.

– Свищ, твой выстрел его чуть на тот свет не отправил, – крикнул, подходящий к повозке красноармеец себе за спину.

Оттуда последовал ответ.

– Так я над головой стрелял.

– Ему и этого могло хватить. Вишь рот раскрывает, словно рыба на суше. Как бы инфаркт не случился.

– Сам ты инфаркт, – засмеялся второй боец, показываясь из соседних кустов. – Инфаркт. Во как звучит!

– Дык, я так и сказал, инфаркт, – пожал плечами первый красноармеец и присел рядом с Пананиным. – Помочь?

Мишка постепенно пришел в себя, в нем закипала злость.

– Хрен вам, а не жрачки, – сказал он, словно выплюнул слова.

– Слышь, Свищ, может нам его того? В расход? А то смотри злой какой. Того гляди кидаться на нас начнет, перекусают и помрем мы мучительной смертью от бешенства.

– Да пошли вы...

Мишка вкатился обратно в повозку и дернул вожжи.

– Кобылка у него правильная, даже не дернулась от выстрела, только ухами повела немного. Она своих знает, и не спит на ходу, в отличие от своего возчика.

Бойцы заржали, сгибаясь от смеха пополам. Красный, злой, грязный, еще более вспотевший Мишка, гнал повозку к штабу полка.

Штаб полка располагался в небольшой деревеньке со странным названием Сопли. Две улочки с десятком домов вдоль. Кобылка медленно потянула повозку к бревенчатому двухэтажному зданию.

У самого входа часовой направил на него винтовку.

– Стой! Стрелять буду!

«Чего они все в меня целятся? Достали. Наберут идиотов в армию».

– Чувырла, ты вон лучше кашу забирай, а не строй из себя отважного героя.

– Какой ещё чувырла? – опешил боец.

– Такой, – ответил Мишка и увидел красноармейца, который рассматривал содержимое повозки.

– Для штаба выделяй, – требовательно произнес боец и полез доставать сам.

– Руки убери.

– Чего?

– Руки убери. Не ты ложил, не тебе трогать.

– Ты кто такой?

– Это ты кто такой?

– Отставить! Мешков, что тут происходит?

– Товарищ капитан, я хотел продовольствие забрать для штаба, а он не дает.

– В чем дело, боец?

– Ни в чем, – ответил Мишка, даже не стараясь изобразить строевую стойку. – Выдам, получит, и нечего совать нос в чужие котелки.

Капитан с интересом и изумлением посмотрел на Пананина.

– Ну-ну, выдавай, и умыться бы вам не мешало, товарищ красноармеец, – буркнул он и ушел по своим делам.

– Держи, Мешков, – с ехидцей проговорил Мишка и протянул ему контейнер. – Все заберешь сразу или будешь бегать как савраска?

Мешков надел контейнер за спину.

Недобрый взгляд скользнул по лицу Мишки.

– Давай еще один.

– А мне че, ждать, когда ты набегаешься? Принимай все сразу. Часовой приглядит за харчем. А мне недосуг у вас тут прохладиться. Ты мне пустые контейнеры тащи, и я поеду.

Недовольный Мешков скрылся в здании.

– Ужин привезешь? – заговорил часовой.

Пананин смерил взглядом бойца сверху вниз, цокнул языком.

– А на посту тебе кто разрешил разговаривать?

– Ты откуда такой взялся? – опешил часовой.

– Оттуда, откуда все люди. Извини, не на ком показать.

Часовой непонимающе смотрел на Мишку.

– Контуженый что ли?

– Сам ты контуженый! Чувырла ты и есть чувырла.

Часовой обиделся, вскинул винтовку.

– А ну езжай от штаба! Нельзя тут стоять!

– Ого, какой грозный! – глянув на часового, Мишка решил ретироваться от греха подальше. – Ладно, ладно, отъезжаю. Мешкову теперь контейнеры далеко будет нести. Пусть разминается.

Лошадка лениво потянула телегу в сторону от здания штаба.

– Эй! Ты куда? – раздался возмущенный голос Мешкова, вкуче с бряканьем пустых контейнеров. – Стой!

– Чего орешь? Не видишь, что часовой приказал отъехать в сторону?

– Забирай свои причиндалы и езжай, давай.

– Мешков, ты хоть знаешь, что такое причиндалы?

– Да пошёл ты! – в сердцах ругнулся красноармеец и бегом направился к штабу.

– Иди, иди, давай, – довольный собой, сказал Пананин, и повернул обратно к выезду из деревеньки.

Встречающиеся красноармейцы с интересом поглядывали на грязного и потного с выпирающим животиком бойца, но Мишка на них смотрел свысока. Он ещё вчера не мог и помыслить управлять лошадкой, а тут оно вон как получается. Кобылка послушно двигалась в нужном направлении.

Через пару километров дорогу преградил какой-то сержант с двумя бойцами. Они с минуту молча смотрели друг на друга, и также молча разошлись. Мишка в недоумении пожал плечами.

Ещё через километр он попал под бомбёжку. Его обогнала полуторка, груженная ящиками. Возможно, повезли снаряды на передовую. Мишка проводил ее заинтересованным взглядом и выругался. На передовую ему не надо. Пока разворачивался, услышал гул: самолеты! Он как открыл рот, так и уставился немигающим взглядом на них. Бомбовозы отбомбились первым заходом по полуторке, а затем решили поупражняться и на его повозке. Кобылка в этот раз сама рванула с дороги в поле к ближнему лесу. Мишка упал на спину, ударился головой о контейнер и с ужасом наблюдал растающую тушу самолета. Гул от самолета наводил животный ужас и онемение. Мишка не моргал и смотрел на кабину пилота. Пули вонзились в деревянные части повозки, пробиты два контейнера. Кобылка не уменьшила скорости и со всей дури влетела в кусты между деревьями. Сильный удар выкинул Пананина в траву. Немного

ушибся, но ничего серьёзно не повредил. Вот только штаны немного потемнели от пережитого страха. Повозка застряла между деревьями, и кобылка, подёргавшись, уже мирно махала хвостом и жевала траву.

Мишка встал на четвереньки, огляделся и пошёл к повозке. Только возле неё он встал на ноги, проверил поклажу, обошёл повозку вокруг. Попытки вытолкнуть её обратно не удавались. Кобылка идти назад отказывалась и норовила либо толкнуть Мишку, либо угостить копытом. Он оглянулся в сторону дороги, но она не проглядывалась сквозь лес.

– Странно, что дорога пустынная. Сюда ехал кого только не было, а сейчас никого. Спрятались что ли, чтобы мне не помогать? Странно, странно. И вообще всё здесь странно. И люди, и мир, и всё! Ещё и убить хотят... по-настоящему...

Придётся без подмоги своими силами. Ничего не поделаешь, кобылку необходимо распрягать. Потеющие руки пришлось постоянно вытирать о форменные брюки.

– Распрягу, а запрячь как? Проклятые фрицы. Чёртова девка, – продолжал нарезать круги расстроенный Пананин, коверкая голос. – А помочь некому. Езжай. Ничего сложного. Это приказ. Да идите вы!

Но вдруг резко остановился от одной пришедшей на ум мысли.

– Расстреляют. Как пить расстреляют. Надо что-то делать. Впрочем, в нашем времени многие писали, что советы приписывали немецким войскам крайнюю жестокость, чтобы спрятать свои кровавые преступления. Так что можно и в плен сдаться, если что...

Пришлось распрягать кобылу и вспомнить, что ему рассказывали про вальки, хомуты, постромки. Другого выхода из данной ситуации видно не было. Повозка слегка качалась под напором Мишки, но никак не желала покидать облюбованное место. Промучился около часа, устал, захотелось пить, но вода во фляжке уже давно закончилась. От злости на всех он пнул телегу ногой по ободу колеса, смачно сплюнул. При очередном взгляде на кобылку, мирно жующую травку, Мишке стало жалко себя до такой степени, что из глаз непроизвольно потекли слёзы. Он даже всхлипнул несколько раз.

Догадка пришла неожиданно. И при помощи лаги, обломка молодой берёзы после авианалёта, ему удалось приподнять повозку и сдёрнуть с места. А вот запрячь кобылку обратно, не получилось.

В хозчасти Пананин объявился лишь к вечеру. Вместо кобылы повозку тащил сам, а сама кобыла, привязанная вожжами, тащилась позади с весьма довольным видом, как казалось Мишке.

– Где тебя носит? – раздался возмущенный крик старшины. – Тут работы немерено, а он прохлаждается.

Но увидев изможденное лицо Мишки, сменил гнев на милость.

– Иди умойся, поешь и в распоряжение Терёхина.

Бойцы окружили повозку и рассматривали крупные пробоины от немецкого пулемета.

– Повезло.

– Да ты парень в рубахе родился.

– Расписался немец.

– Закуривай.

– Портки-то застирай!

– Чего лыбишься? Сам-то напрудил в штаны, как первый раз танк увидел. Хотя может больше чего сделал.

Измождённый, грязный Пананин сел прямо на землю и прислонился спиной к колесу повозки. На вопросы не отвечал, в разговоры бойцов не вслушивался. Неимоверная усталость накатила, притупила чувства. Он даже не мог улыбнуться. Хотелось курить, желудок требовал пищи, а уставший организм желал отдыха и сна.

– Мы же тут даже ребят отправили тебя искать. Со штаба позвонили, дескать, встречайте. А тебя, нема, – заговорил стоящий рядом, боец. – И никто не видал тебя на дороге. Немцы-то оборону прорвали.

По распоряжению старшины двое бойцов бесцеремонно подхватили под руки апатичного Мишку и доставили до полевой кухни.

Терёхин глянул исподлобья на осунувшегося Пананина. Покачал головой. Набрал в ковш тёплой воды.

– Не полено, чай, скидай гимнастёрку, умываться будем.

Мишка устало посмотрел на повара и отвернулся.

– Штаны мокрые не беда. Страх переборол, кобылку не бросил, в часть вернулся. Это брат, показатель, а не портки. Скидывай всё. Помоешься полностью, поешь и спать до утра, если немец даст. Пока тебя не было, два вражины на леталках народ пугали. Бумажек накидали, сдавайтесь, мол. Земля наша, чего нам сдаваться басурманам? Предки наши не сдались, а мы сдадимся? Не бывать этому.

Под негромкую умиротворяющую речь повара Мишка помылся. Терёхин собрал в охапку всю одежду Пананина и бросил в ведро с водой. Сунул Мишке под нос миску с кашей, накинул на плечи свою шинель.

– Ешь. Не след ложиться спать на голодный желудок. Одежку прополоскаю, высушу. Знаю я, что такое смерть. Для тебя вон с небес прилетела, да видать не судьба пока. Нужён ты еще на земле.

При этих словах Мишка встрепенулся. Кольнуло странно звучащее слово «нужён», подняло откуда-то изнутри давно забытое тёплое чувство полезности. И сразу же нахлынуло другое чувство, чувство жалости. Забросили его в прошлое, чуть не убили, заставляют делать то, что он никогда не делал. И ведь никто его не жалел, а тут здоровый дядька разговаривает с ним как с несмышлёнышем, жалеет. Даже портки взялся застирать. Чудно как-то. Внутренняя теплота вместе с усталостью и пережитыми событиями сморила. Мишка так и уснул с миской в одной руке и ложкой в другой под ровный голос Ивана Терёхина.

И снился Мишке сон. Добрый, светлый. Мама поздравляет его с днём свадьбы и улыбается радостно. А рядом с ним во всём белом стоит девушка. Красивая! Слов нет. Мишкино лицо растягивается в улыбке, гости кричат «горько». Он пытается поцеловать свою невесту. Глаза закрываются сами собой... и, вдруг, она толкает его руками в грудь, Мишка летит вниз. Следом будто падают слова: «твоя новая жизнь только начинается или...».

Пананин резко открыл глаза. Сердце бешено стучало, на лбу выступил пот. Вокруг темно и совсем рядом могучий богатырский храп.

Прошло несколько минут, прежде чем Мишка сообразил, где он находится. Он вспомнил всё, что произошло недавно. И так стало ему жалко себя, что из глаз потекли слёзы. Захотелось домой, где еда, компьютер, мама...

Вскоре его накрыло полностью, как только вспомнил, что вокруг идёт война, и он может погибнуть. Мишка с трудом сдерживал всхлипывания, засунув в рот кулак.

Взрыв прозвучал настолько неожиданным, что полный мочевой пузырь Мишки опростался, забыв спросить хозяина. Палатка подлетела, и сбитая комьями земли завалилась.

– Миша, живой? – крепкая рука Терёхина, не дожидаясь ответа, уже рванула Пананина за шиворот, поставила на ноги и увлекла к противовоздушной щели.

Чего уж тут сопротивляться, когда тебя пытаются спасти. А вокруг вставали разрывы, свистели осколки, кричали раненые, падали убитые. Смерть пришла под утро, выкашивая ряды полусонных, раздетых красноармейцев. Запрыгнуть в щель Мишка с напарником не успели, взрыв за спиной сбросил их на дно земляного укрытия и присыпал хорошим слоем земли.

В отбитом теле ощущалась боль, но за какой-то гранью осознания. Терёхин пытался повернуться в узкой щели, сдавливая Мишку, да видно, понял, что пока это невозможно, затих.

Взрывы затихли также неожиданно, как и начались. Повар резко дёрнулся, придавливая Пананина, и встал отряхнувшись. Мишка провалился глубже в щель, уткнувшись лицом в землю. И сразу активно заработал руками и ногами, стараясь выкарабкаться. Через пару минут ему это удалось.

Мишка попытался задать вопрос и успел только мыкнуть, как грязная широкая ладонь повара крепко зажала ему рот.

– Тихо, – прошептал Терёхин, – немцы...

Мишкины глаза округлились. Боль, которая разрасталась в отбитом теле, мгновенно припустилась. Он обессилено опустился на колени. В это время раздались беспорядочные автоматные и винтовочные выстрелы.

– Раненых добивают, сволочи. Войну хорошо слышать, да тяжело видеть, – хмуро произнёс Терёхин, оглядываясь вокруг.

Мишке удалось убрать ладонь повара с лица.

– Что будем делать? Бежать? Только у меня ноги подгибаются. Может их перестрелять?

Мишку начало трясти мелкой дрожью, застучали зубы, задёргалась рука.

– Сказал бы словечко, да волк недалечко, – угрюмо ответил Терёхин.

– Хенде хох, швайне! – два немецких солдата направили винтовки на Мишку и повара. – Ком.

Один из немецких солдат показал стволом направление, куда им следует идти.

– Пошли, Мишаня, пошли, – пробурчал Терёхин и полез из щели наверх.

Мишка, чувствуя, как пот обливает всё тело с головы до пят, начал карабкаться следом. Развороченный край щели, где был выход, проминался под ногами. Испачканный в земле, перемазанное грязью мокрое лицо, неуклюжесть движений и большой живот, развеселили солдат. Они разом загоготали, тыкая пальцем на Мишку. Белое исподнее превратилось в чёрно-серое. Мишка с трудом вылез наверх.

Оставшихся в живых построили в один ряд у оставшейся невредимой кухне. Мишка скользнул по строю. Человек двенадцать осталось. Почти все в исподнем. Вон только Смелченко успел штаны натянуть. Вирый с перебинтованой головой, Коробейник, растерянно озирающийся вокруг, Шевчук с мрачным видом, Точиллов с подбитым глазом. Старшины не было.

Немецкий офицер прошёлся вдоль стоящих пленных.

– Служить Великая Германия есть кто? – в этот момент офицер остановился напротив Мишки и ухмыльнулся, оглядев того с ног до головы. – Отчень странный солдат. Так выглядеть большой командир. Звание, фамилия!

Мишка сглотнул вязкий комок в горле, растерялся под пристальным взглядом офицера, зашарил ладонями по грязным кальсонам.

– Это мой помощник, господин офицер, – сказал Терёхин, глядя на представителя высшей арийской расы сверху вниз.

Тот перевёл взгляд на повара.

– А ты есть кто? – немного опешил офицер.

– Красноармеец Терёхин, повар.

– Повар? А он твой помогать? – глаза немца округлились от удивления. – Такой большой повар и такой круглый помощник! Жить кто хочет, тот переходить к нам. Ты кароший повар?

– Вроде никто не жаловался, – пожал плечами Терёхин.

– Корошо.

Офицер задумался. Ещё раз оглядел Мишку.

– Повар на кухня. Этот круглый расстрелять. Остальные плен.

Мишка вздрогнул, по виску и щеке покатились капли пота.

«Меня расстреляют. Совсем. Меня больше не будет. И я не увижу это небо, лес, поле, Ивана Николаевича...».

– Господин офицер! Никак не можно расстрелять моего помощника.

– Молчать! – взвизгнул немец и побагровел от злости. – Марш кухня!

Терёхин вздохнул и побрёл к стоящей рядом полевой кухне. Мишка посмотрел ему вслед, и такое зло взяло его на этого франтоватого офицера, на немецких солдат, на себя, что он, не соображая, что делает, со всей силы воткнулся головой в живот немецкого командира. Тот ойкнул и упал на спину. Мишка свалился рядом. Пленные красноармейцы застыли от неожиданного развития событий. Немецкие солдаты отреагировали быстро. Ближние уже оказались рядом с пленными, а дальние активно подтягивались. Мишка попытался встать, но его уже пинали ногами солдаты.

Обливаясь кровью из разбитого носа, Мишка старался прикрыть голову, но оценивая ситуацию вокруг. Вдруг, немцы перестали его бить и начали разбегаться. На лицо Мишки прилетели капли чего-то горячего. Впрочем, не только на лицо. Он повернулся в ту сторону, откуда долетали ужасные крики и визги. Огромный Терёхин махал топором налево и направо. Солдаты врага забыли про оружие, бросали его и бежали кто куда. Залепанный чужой кровью с головы до ног, со зверским оскалом повар, крушил людей, словно тоненькие осинки. Такого жуткого зрелища Мишке видеть ещё не приходилось. Офицер сидел на земле и вытаращенными от ужаса глазами и открытым ртом, наблюдал действие. Будто сама смерть вселилась в русского богатыря и собирала свой жуткий урожай.

Пленные вышли из ступора, схватили винтовки и начали расстреливать убегающих врагов.

«Сколько же их было? Наверное, около пятидесяти. Но как так получилось, что немцы бегут?»

Мишка встал на ноги и оступился, подвернулась нога. Для балансировки он выбросил в сторону руку, которая просвистела рядом с головой офицера. Лейтенант поднял руки.

– Я – сдавайс! – крикнул он, падая на землю. Шальная пуля в одно мгновение просверлила дыру в его шее.

Мишка с ужасом наблюдал, как из пробитого горла толчками выходит кровь. Рука, потянувшаяся, чтобы зажать рану, остановилась на полпути. Широко раскрытые глаза лейтенанта медленно стекленели. Не в состоянии отвести взгляд от страшного зрелища, Мишка услышал крик, смысл которого до него так и не дошёл. Близкий взрыв за спиной накрыл весь мир. Взрывной волной Мишку перевернуло, бросило лицом вниз и засыпало толстым пластом земли.

– Бежим, братцы! Танки! – услышал он на грани сознания глухой, срывающийся голос. Дальше всё исчезло...

Мишка очнулся и никак не мог сообразить где он и что с ним. Что-то тяжёлое придавило его и не давало двигаться. Он осторожно открыл глаза – темнота. Облизнул пересохшие губы – земля! Отплевавшись, понял, что воздуха мало.

«Меня похоронили заживо? Но я ведь живой! Я – живой!»

Мишка рванулся со всей злостью, на которую был способен. После некоторой борьбы ему удалось вылезти наверх. Он с шумом втягивал в себя свежий летний воздух с привкусом тола. Шея затекла и ныла, болела спина и слегка шумела голова.

«Вот она какая – война. И я на войне. На самой настоящей войне».

Он смотрел на ясное ночное небо, на круглую жёлтую луну, и не знал, что ему делать. До сих пор всё происходящее казалось каким-то странным жутким сном. И вот теперь Мишка отчётливо отдавал себе отчёт в том, что он стал тем, кого в книгах называют неприветливым словом «попаданец». Он попал. Попал туда, куда попадали герои прочитанных им многочисленных книг, в 1941-й год, на Великую Отечественную войну. Вспотевшие ладони ерошили короткие волосы, а мысли Мишки пытались выделить из всего случившегося главное. Как

выжить в данной ситуации, что делать сейчас, куда идти? Вокруг стояла зловещая июньская тишина...

Разброд в мыслях никак не давал сконцентрироваться на чём-то конкретном. Он получил уникальную возможность вмешаться в развитие истории. Он, Михаил Пананин, человек из будущего. Вот только всё, что он знает об этой войне поверхностно. Закончится она 9 мая 1945 года, а до этого будет Сталинградская битва и Курская дуга. Ещё битва за Москву. Нужны подробности, а вот их как раз и нет. В романах о «попаданцах» у главных героев из памяти выплывают не только исторические данные вплоть до минуты развития событий, но и устройство и тактико-технические характеристики всех видов вооружений и стран. Тут же ничего и никак не желает всплывать. А ведь много читал об оружии. Самом разном. Что уж говорить о Сталине. Даже если удастся до него добраться, то ничего кроме срока окончания войны, Мишка рассказать не сможет.

Он, действительно, попал. И попал крепко.

Мишка попробовал встать на ноги, но боль во всём теле, заставила застонать и вернуться на пятую точку.

«Надо найти свою форму, одеться».

Наконец-то пришла первая деятельная мысль в голову Мишки.

Если бы не луна, то найти упавшую палатку не получилось бы. Гимнастерку и брюки обнаружил сразу. Ботинки и вещмешок не нашёл. Глубоко вздохнул и решил дожидаться утра, чтобы найти оставшееся имущество и винтовку.

Спать на месте боя не хватило смелости. Мишка сориентировался по памяти и решил заночевать на опушке дальней рощицы. Неудобно, но зато сухо.

Приснился ему Терёхин в измазанном грязью исподнем и забрызганном чем-то тёмным. Лицо было бледным. Он долго смотрел на Пананина, молчал. Мишка не выдержал первым.

– Иван Николаевич! Жив! И я жив!

– Нет, Мишаня, жив только ты. Я убит. Вчера вечером меня и убили. Но и я топором добре поработал.

– Как же мы разговариваем сейчас?

– Вот захотел я с тобой поговорить, потому и говорим, – усмехнулся Терёхин. – Я знаю, что ты из будущего. Тяжёлое испытание досталось тебе, Мишаня, ох и тяжёлое. И остался ты один. Но помни, что и один в поле воин. Ты же читал интересные книжки про героев. Вот и стремись стать таким. Только голову зря не подставляй под пули. Береги себя и тех, кто окажется рядом с тобой. Дружба, это брат, великая вещь.

– Какой с меня воин? Иван Николаевич! С моей комплекцией...

– Голова у тебя на что, Мишаня? Воюй! Ну, бывай...

Мишка проснулся от странного ощущения, что кто-то только что здесь был.

– Иван Николаевич! – забормотал Мишка, не повышая голоса. – Ты здесь?

Утренние сумерки понемногу уходили, и Мишка сумел разглядеть место, где он заночевал. Рядом лежал красноармеец на животе, уткнувшись головой в траву, в военных штанах и исподней рубахе. Спина была наспигована огромным количеством осколков, вокруг ран от которых расплзлись по рубахе кровавые пятна.

Мишка неосознанно повернул рукой голову бойца и отшатнулся. Это был Смелыченко.

Невзирая на боль, Мишка вскочил на ноги и быстрым шагом пошёл к палатке. Место стоянки хоззвезда изрыто воронками и раздавлено гусеницами танков. Не доходя несколько метров до своей бывшей палатки, Мишка наткнулся на переломанное тело, с выпущенными кишками, растянувшимися вслед уходящему танку. Поплохело сразу. Выполоскало непонятно чем, ведь последний раз Мишка ел сутки назад. Качаясь из стороны в сторону, он всё же добрался до палатки, обул свои ботинки с обмотками, вытянул из-под лежанки вещмешок. Винтовку так и не обнаружил. Похоже, что оружие уже кто-то успел собрать. Возле полевой кухни лежал

Терёхин с бледным мертвенным лицом, в грязном исподнем, забрызганном запекшейся кровью, а в крепко сжатой ладони покоился чёрный топор.

– Как же так, Иван Николаевич? – Мишка не сдерживал слёз. – Как же так?

Задавал вопросы сам себе непутёвый «попаданец». С передка кухни снял лопату и принялся копать могилу.

– Как же так?

С трудом спустил на дно вырытой ямы тяжёлое тело Терёхина. С ещё большим трудом освободил топорище из его огромной сжатой в кулак ладони. Посидел несколько минут у свежей насыпи могилки, вспоминая живого и доброго повара, затем закинул за спину вещмешок и с топором в руке направился в сторону ручья, где совсем недавно, он набирал воду.

«Не могу я вас всех похоронить. Боюсь, что опять придут немцы. А мне надо отомстить за вас. Отомстить так, чтобы все удивлялись. Чтобы видели, на что Мишка способен».

Топор долго не желал отмываться от склизкой подсохшей крови. Пришлось шоркать песком. Когда Мишка управился и с этим делом, то краем глаза увидел торчащие из-под куста сапоги. Взяв наперевес топор осторожно подобрался к кустам и резко их раздвинул, будучи готовым нанести удар. В кустах, опёршись к стволу дерева, сидел часовой с перерезанным горлом. Мишка только судорожно сглотнул, подобрал валявшуюся пилотку часового и вернулся к ручью. По дороге он подобрал алюминиевую фляжку под воду, и теперь у него их было две. Одна выдана вместе с обмундированием, стеклянная, и вторая, которую он подобрал. Обе сунул в вещмешок. Посидел у ручья, повздыхал, смыл с лица грязь. Холодная вода хорошо подействовала. Голова стала свежей, мысли упорядочились.

«Надо идти к своим. Не думаю, что наши ушли далеко».

Мишка отошёл от ручья всего лишь несколько метров и встал как вкопанный.

«Выйду к своим без оружия, особист сразу в оборот возьмёт. А меня даже никаких бонусов и читов нет, как у всех „попаданцев“. Расстреляют, даже глазом не моргнут. Ещё и шпионом объявят. Живот им мой не нравится. И куда тогда идти? Мне в этом мире, похоже, жить, а я ничего не умею, даже лошадку оседлать не в состоянии. Еды как-то надо добыть, и – оружие! Но как?».

Он вспомнил мёртвого Терёхина и вытянул из вещмешка топор, какое-никакое, но оружие. С ним всё-таки надёжнее будет.

После некоторого блуждания по лесам, Мишка наткнулся на расстрелянный грузовик, который, как видно, пытался уйти от самолётов и спрятался под кронами деревьев. Вот только и водитель, и пассажир оказались на своих местах. Пассажир, с огромной звездой на рукаве, погиб мгновенно, самолётная пуля разнесла полчерепа. У водителя, парня лет двадцати, несколько ранений в грудь, левую руку и обе ноги. В правой руке не распечатанный бинт. Выходит, что он истёк кровью. С машинами в своём прошлом будущем Мишка сталкивался и даже немного разбирался, благодаря отцу. Полуторка оказалась не на ходу. Пули пробили мотор в нескольких местах, о восстановлении не могло быть и речи.

Мишка спокойно, удивляясь самому себе, обшарил трупы. Красноармейская книжка на имя Рыжова Алексея Игнатьевича, залитая кровью, карабин с несколькими патронами и нож, небольшой по размерам, вот и всё, что было у водителя. Командир оказался корреспондентом газеты, название залито кровью. Фамилию тоже прочитать не удалось. Фёдор Поликарпович и всё. Мишка аккуратно, чтобы не вымазаться кровью, снял с него ремень с наганом.

«Странно, что у водителя вещмешка нет. Шофёры всегда были запасливыми, а у этого нет».

Пропажа нашлась в кузове среди связанных кип газет. В вещмешке оказалось несколько банок тушёнки, консервов, шмат сала и полбулки хлеба, запасные портянки, сменное исподнее.

Прибарахлившись, Мишка с сожалением оглядел грузовик, отнёс подальше в лес все свои находки, и только ремень с наганом положил рядом с будущей могилкой. Второй раз

ему пришлось хоронить солдат. В первый раз, он похоронил своего друга, остальных трогать не стал, боялся, что придут враги. Здесь же, он посчитал, что обязан похоронить погибших. Теперь он никуда не спешил, но всё время отслеживал изменения в окружающем пространстве. Немецкие бомбардировщики дважды пролетали на восток и дважды возвращались обратно. Советских самолётов Мишка ни разу ещё не видел.

Штыковую лопату, найденную в полуторке, Мишка решил забрать с собой. Нечего пропадать добру. Окончив работу, он присел у свежей могилы, в изголовье которой водрузил руль с грузовика вместо памятника, и задумчиво грыз травинку.

Где-то далеко грохотало, рвались снаряды, гибли люди, а здесь тишина и покой, голубое небо с белыми облаками, прохладный ветерок. Он уже решил уходить. Поднял лопату и одну из связок газет и насторожился. Ему показалось, что кто-то внимательно за ним наблюдает. Стараясь вести себя естественно и непринуждённо, Мишка исподлобья пробежал глазами округу. Перехватив в одну руку всю поклажу, и вытирая лоб другой рукой, заметил лёгкое колыхание куста прямо по движению. Приподняв кипу с газетами на уровень пояса, сделал вид, что пытается что-то прочесть на верхнем листе, а сам в это время достал наган. Мало ли кто прячется в кустах.

– Эй, выходи! Я знаю, что ты в кустах сидишь! Выходи, стрелять буду! – проговорил громко Мишка.

– Как выходить, если ты стрелять будешь? Я пока что ещё пожить хочу, – раздался в ответ молодой голос.

– Сколько вас там? Или ты один?

– Один я, – закашлялся незнакомец. – Ранение в ногу.

– И откуда ты такой, раненый?

– Ну и вопросы у тебя. Лётчик я. Вчера сбили.

– Чем докажешь?

– Иди и посмотри, – незнакомец опять закашлялся.

Мишка немного подумал, бросил лопату и кипу газет на землю, взял поудобней наган и двинулся в сторону голоса.

Осторожно раздвинув ветки, он увидел лежащего на земле незнакомца с перевязанными поверх галифе ногами, в обычной красноармейской форме с голубыми петлицами, на которых краснели два красных квадрата и эмблема – пропеллер с крыльями. В стороне лежал лётный шлем с очками и такой же наган, как у Мишки. Лётчик с трудом держался, чтобы не потерять сознание.

– Крови много потерял, – пробормотал лейтенант и отключился.

Мишка только затылок почесал. И что теперь с ним делать?

Оглянувшись по сторонам, остановил взгляд на грузовике. Пошарив в кузове, обнаружил кусок брезента. Радостно перевалив лётчика на импровизированные носилки, Мишка потянул волокуши в лес. Через несколько метров его осенило. И точно, за ними оставался очень приметный след. Почесав затылок, Мишка пришёл к однозначному решению. Взвалил лётчика к себе на спину и на сгибающихся от тяжести ногах донёс до небольшой полянки. Передохнул чуток и вернулся обратно, собрал, по его мнению, всё необходимое имущество в брезент и взвалил себе на спину. Меняя ношу, Мишка вышел к болоту. Место показалось вполне подходящим для оборудования стоянки.

Тяжеловато городскому жителю двадцать первого века сооружать шалаш, если он никогда его не строил. Возился долго. Особенно сложным оказалась работа топором. Заостряя колья, чуть не рассёк ногу.

– Не приходилось работать топором? – услышал Мишка слабый голос лётчика.

– Так получилось. Городской я.

– Топорище перехвати поближе к топору. Вот, проще ведь?

– Угу, – буркнул Мишка. – Тебе надо раны обработать и перевязать.

– Умеешь?

– Не приходилось, – ответил Мишка со вздохом.

– Странный ты какой-то. Ничего не умеешь, брюшко висит. Ты откуда такой взялся?

– Из хоззвода. Помощник повара. Только готовить я не умею, – Мишка покраснел до такой степени, что лётчик больше ничего не стал у него спрашивать.

После долгого пыхания, неудачных попыток и элементарных ошибок, Мишка, прислушиваясь к советам лейтенанта, всё-таки сооруди нечто наподобие шалаша. Брезент пришёлся кстати, прикрыл необычное сооружение, возведённое руками городского жителя из будущего.

– Медсестру бы сюда, – пробурчал лётчик, оглядывая раны на ногах.

– Зачем тебе баба, если ты ранен? – спросил, забывшись, Мишка.

– Слушай, боец, за языком следи. Медсестра бы уже раны прочистила, забинтовала.

– К своим выйдем тогда...

– Фронт далеко. А раны могут загноиться и гангрена. И отлетался тогда доблестный сталинский сокол Миша Воронин.

– Так тебя тоже Миша зовут? – удивился Пананин, ведь ему в мыслях не пришло спросить имя у лейтенанта.

– И ты, Миша? Тёзки, значит. Еда-то у тебя, тёзка, есть?

Мишка молча подтащил вещмешок и поставил рядом с лейтенантом. Поищи там. Это с грузовика забрал. И у меня в вещмешке шмат сала есть. Вот ножик. Я пойду в воды свежей в ручье наберу.

– Слышь, тёзка, а ты не дезертир? – глаза лейтенанта стали жёсткими и колючими.

– Был бы дезертир, не возился бы с тобой, – отмахнулся Мишка. – Наших, кого убили, кто убежал, а я вот.

Жевали молча. Даже друг на друга не смотрели. Солнце постепенно клонилось к закату. Мишка уже который час ломал голову, пытаясь вспомнить, как и что делали герои «попанданцы» в прочитанных книгах. Вот только в отличие от них, Мишкина память не желала ничего вспоминать. Какие-то неясные обрывки носились в голове, но выловить их, а тем более сопоставить, оказалось делом бесперспективным.

– Что думаешь делать, боец?

Мишка повернулся на голос и вздохнул.

– Что с тобой, что без тебя, я к линии фронта не выйду. Тут решение только одно.

– И какое? – насторожился лейтенант.

– Организовывать партизанский отряд и бить фашистов в тылу. Глядишь, и нашим легче будет воевать.

Лётчик заинтересованно посмотрел на Пананина.

– Как ты это себе представляешь?

– Пока не знаю, – густо покраснел Мишка и резко встал. – Пойду, пройду по округе. Наган держи рядом. Только меня, как приду, не грохни.

Лётчик засмеялся.

– Чего тут смешного? Пароль – повар, ответ – топор.

Лейтенант опять засмеялся и закашлялся.

– Ты хоть и командир, а порядок должен знать, – обиделся Мишка.

– Добро, боец, – с трудом ответил лейтенант, став серьёзным.

Пананин взял карабин, поправил кобуру с наганом, насупившись, побрёл в сторону брошенного грузовика.

К полуторке он вышел в стороне от места встречи с лётчиком. Из кустов долго наблюдал за обстановкой, а затем побрёл вдоль опушки, изучая местность. Лес длился далеко. Дорога змеилась через поле и хорошо различалась с опушки. Немецкие бомбардировщики опять потя-

нулись на восток, тяжело урча, с набитыми бомбами брюхами. Мишка боялся нарваться на немцев и осторожничал, шёл медленно и полагался на слух. Карабин постоянно держал в руках. Когда он уже решил возвращаться, услышал стрельбу. Недолго думая, рванул на звуки выстрелов.

На дороге стоял вражеский мотоцикл. Пулемётчик высаживал ленту по опушке соседнего леса. Оттуда изредка звучали винтовочные выстрелы. Чуть разобравшись и осмотревшись, Мишка заметил ещё один мотоцикл, который заезжал к лесу сбоку. А потом ещё сообразил, что стрелок находится в кустах, которые в нескольких метрах от опушки. Значит, уйти тому не дадут. В лесу не скроешься.

Мишка пробежал как можно ближе к ближайшему мотоциклу, присел на колено, прицелился и выстрелил. На удивление пулемётчик замолчал, а немец, который находился за рулём, посмотрел на своего товарища и начал медленно оборачиваться в сторону Мишки. Второй выстрел и водитель упал грудью на руль. Мишка бежал к мотоциклу и никак не мог поверить, что убил двух врагов всего двумя пулями.

Второй мотоцикл уже заехал в тыл стрелку. Мишка отодвинул убитого пулемётчика, и лёжа прямо поверх коляски, дал очередь в сторону немцев. Те быстро сообразили, что силы изменились, свернули в сторону и прикрываясь кустарником, исчезли из виду.

Мишка, глядя на трёх уезжающих врагов, вдруг сообразил, что и этих, убитых, тоже должно быть трое. Он вскинул карабин, оглядывая поле боя. Третий немец лежал у самой дороги в траве, с пробитой головой, что было видно издалека. Всё-таки стрелку удалось поразить одну из целей.

– Ну и кто ты такой? – спросил красноармеец, медленно подходя к Мишке с винтовкой наперевес.

– Боец Красной Армии, – ответил Мишка и скинул с седла мотоцикла убитого водителя. – Чего стоишь? Помоги пулемётчика из коляски вытащить.

– Для чего? – не понял красноармеец.

– Мотоцикл хочу забрать. Вон у него какая машинка стоит. На себе тащить нет охоты. Далеко.

– Немцы могут вернуться.

– Так помогай, и мотаем отсюда!

Оружие и всё, что нашёл Мишка в карманах убитых, перекочевало в коляску. Уже когда Мишка завёл мотоцикл, новый знакомец Иван Кухарин, прокричал ему на ухо, что он не один и надо забрать ещё двоих.

– Далеко?

Кухарин махнул рукой в тот лес, откуда недавно появился Мишка.

На небольшой полянке, окружённой невысокими кустами, находились два человека, как и сказал Кухарин. Боец в красноармейской форме с перебинтованной головой и рукой и медсестра с белой повязкой с красным крестом на рукаве.

– Вот вам товарищ лейтенант и медсестра, как и заказывали, – буркнул себе под нос Мишка и осёкся, когда медсестра обернулась в его сторону.

– Подождите, а я вас знаю, – раздался мелодичный и приятный голосок. – Это вы стёрли ноги, когда рота шла к фронту? И командир отправил вас в хозвзвод?

– Я, – не стал отпираться Мишка. – Очень рад, что вы остались живы.

– Надолго ли? – ответила девушка и грустила.

– Грузимся в мотоцикл, – взял инициативу в свои руки Мишка. – Иван, помоги раненого усадить в коляску.

Девушка сидела за спиной Мишки, раненый в коляске, а Кухарин забрался на запасное колесо, прикреплённое сверху коляски.

Иван отговаривал Мишку от выезда на дорогу, но тот почему-то был уверен, немцев они не встретят. Так и получилось. Вырулив к грузовику, Мишка подрулил к опушке леса, где выгрузили трофеи и раненого, в том числе и пулемёт. Мотоцикл отогнал подальше и закидал ветками в небольшом овражке.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и найти место стоянки в лесу для Мишки оказалось сложным. Уже в темноте, выбившись из сил, он признал, что в лесу он ориентируется плохо.

– Лейтенант! – крикнул Мишка. – Повар!

Где-то за спиной прозвучало: топор!

– Пришли, – с облегчением выдохнул Пананин.

Как только забрезжило утро, Мишка открыл глаза. Вот дурак. В охранении никто не стоит. Их же могли взять ночью тёпленькими. Сон слетел в один миг. Только что было прохладно, а уже стало невыносимо жарко. Схватив карабин, Мишка рванул осматривать округу.

Когда вернулся, то увидел, как лейтенант что-то выговаривает Кухарину. Медсестра, оказавшаяся санинструктором, перевязывала второго раненого. Появление Мишки отвлекло внимание лётчика от Кухарина.

– Пришёл? И где ты был? – спросил лейтенант недовольным голосом.

– Местность осматривал, часовых-то не выставляли. Мало ли кто может заглянуть на огонёк.

– Ты хоть предупреждай, тёзка, а то я тут много чего передумал.

– Товарищ лейтенант, так вы принимайте командование над отрядом. А я буду разведчиком при вас.

– Хорошо, только я лётчик и в земных операциях не разбираюсь.

– Так вы пока тут лагерь организовывайте, а я в округе похожу, посмотрю, кто куда и зачем.

– Слушай, тёзка, в твоём сидоре чугунок лежит и куклу тряпичная. Для чего они тебе?

– Чугунок уже сейчас и пригодится вместе с моим котелком. А кукла, я не помню, как она попала к мне. А теперь что-то вроде талисмана.

– Когда вернёшься? С собой сала хоть возьми.

Живот Мишки сразу заурчал, требуя своей доли.

– Так я перекушу сейчас, а к обеду вернусь.

– Обязательно вернись, тёзка, ты сейчас наши глаза и уши.

В этот раз Мишка двинулся в другую сторону от грузовика, следуя так же, как и в прошлый раз. Солнце достигло верхушек деревьев и постепенно становилось жарко. Мишка выругался. Забыл сменить грязное исподнее и постирать. Со всеми этими хлопотами, событиями, переживаниями. Даже стыдно стало, когда он вспомнил, как Иван Николаевич застирал его вещи.

– Чушка я. Как мне в глаза смотреть Елене? Она ведь обратила внимание на мой вид. Что она подумала!

Краска стыда залила лицо Мишки. Ему захотелось вернуться, попросить прощение, переодеться. Лейтенант тоже хорош, мог и напомнить, а ещё красный командир! Отвлёкшись, Мишка не заметил, что лес повернул в сторону, а он бредёт среди редких кустарников. Увлёкшись рассуждениями и осмотром дороги, не заметил человека в крестьянской одежде с винтовкой.

– Стой! Кто таков? Откель и докуда путь держишь? – раздался грозный, не терпящий возражений, окрик.

Мишка резко остановился и повернулся в сторону голоса.

– Не балуй! Враз дырку проверчу из винтаря! – грозный голос принадлежал грозного вида старичку, лет пятидесяти, с густыми мохнатыми бровями и небольшой седой бородой. Винтовка в его руках смотрела Мишке прямо в грудь. – Не промахнусь в случае чаво! Руки вверх! Оружие кидай до меня!

– И как это выполнить? Если руки вверх, то чем я тебе оружие кину?

– Но-но, ты мне тут свою учёность показывать будешь. Делай, чаво сказали!

– Ты сам-то чьих будешь, отец? – спросил Мишка и бросил карабин до середины расстояния, которое их разделяло, одновременно шагнув вперёд.

– Наган тоже! – Мишка выполнил и это приказание, сделав ещё один шаг навстречу.

– И всё-таки, чьих будешь?

– Это тебе знать не положено! – старик подобрал карабин и наган, руки оказались заняты, чем воспользовался Мишка.

Всё произошло словно по наитию. Подсел под винтовку, опрокинул старика на землю, вырвал оружие и... услышал звук приближающихся мотоциклов.

– Твои едут! – зло пробурчал Мишка. – А я вот сейчас выстрелю по ним, а тебя тут оставляю. Знаешь, что они с тобой сделают?

– Ты чаво это? Я боец Красной Армии!

– Не знаю какой ты боец Красной Армии. Формы на тебе нет, настоящий махновец.

– Что было, то былём поросло, – вдруг обречённым голосом проговорил старик.

Мишка сначала не понял, что имеет в виду взятый в плен. Когда до него дошло, то он даже обмяк и сел напротив лежащего старика.

– Ты чё, реально в банде Махно воевал?

– Сам ты в банде воевал, – заворчал старик. – Анархистская рабоче-крестьянская армия, били белых вместе с красными...

– Немцы, – Мишка передёрнул затвор карабина. – Если ты наш, то сиди тихо.

– Мне сигнал надоть подать нашим. Они за поворотом колесо заменяют на грузовике.

– Так ты не один? – присвистнул Мишка, не выпуская из виду старика и дорогу.

– Четверо.

– И как ты собираешься подать сигнал?

– Так это. Стрельнуть.

– Тебя же тут и положат. Убежать не успеешь. У них на каждом мотоцикле пулемёт стоит, что швейная машинка. И побреет, и причешет, и прошьёт.

– Там слышимости нету. Их побьют всех.

– Беги в лес с моим карабином, а я из твоей винтовки пошмаляю.

– Чаво?

Мишка посмотрел на старика так, что тут резво стартовал в сторону леса. Два мотоцикла и гробовидный бронетранспортёр. Название крутилось на языке, но память никак не хотела выдавать результат. Мишка прицелился в водителя первого мотоцикла, в уме прошли какие-то расчёты. Винтовка сильно лягнула в плечо, раздался выстрел. Мишка выглянул из-за кочки и удивился кувырканию мотоцикла в кювете. Передёрнул затвор, но второго выстрела не последовало.

– Вот паразит, – ругнулся Мишка. – Даже не сказал, что патрон всего один.

В это время перед самым лицом встали фонтанчики земли. Два пулемёта прочёсывали возможное место засады. Оглянувшись в сторону леса, он краем глаза уловил на дороге ещё несколько таких же, как и первый, бронетранспортёров, крытую автомашину и танк. Надо бежать. Если повезёт, можно скрыться в лесу. Винтовку брать не стал. Толку от неё не было, а бежать будет только мешать.

Мишка рванул с низкого старта, петляя, как заяц, падая и снова вставая. Пули жужжали, как мухи, а он бежал. И только одна мысль стучала в висках – успеть! Успеть скрыться в лесу.

Туда вряд ли немцы полезут. Пуля чиркнула по голове, прошла по касательной, зацепив кончик уха и содрав кожу над виском. Показалось, что ужалила пчела. Уже в лесу, свалившись под корень дерева, Мишка с удивлением смотрел на окровавленную ладонь, которой вытирал пот.

– Ну ты и... бегать..., – запыхавшись пробормотал старик и упал рядом, жадно со свистом хватая воздух.

– Думаю, твои товарищи слышали выстрелы и успели смотаться. Фрицы сюда не полезут.

– Почему фрицы?

– Ну, гансы. Так понятней?

– Какие гансы?

– У немцев часто встречаются имена Фриц и Ганс, как у нас Иван.

– А-а-а, – протянул старик и подкашливая засмеялся.

– Ты чего не сказал, что в винтовке один патрон?

– А ты спрашивал?

– Винтовку я там бросил.

– Эх-ма, а как же я без своего оружия?

– Так бери карабин. Там, правда, три патрона, но всё-таки оружие.

Старик тяжело вздохнул.

– Надо парнишек шукать.

– Пошли, – удивляясь своей решительности, сказал Мишка и уверенно направился в сторону поворота дороги.

У двух брошенных грузовиков уже стоял мотоцикл и бронетранспортёр. Пулемёты смотрели в сторону леса.

– Опасаются, – хмыкнул довольно Мишка. – Шандарахнуть бы по этому гробу из противотанкового ружья.

Старик тронул Мишку за рукав указывая куда-то в сторону. На дереве, запутавшись в ветвах, белел парашют, из-под которого торчала голова лётчика.

– Сиди тут, наблюдай. Если пойдут сюда, скажешь.

Мишка прошёлся вокруг раскидистой берёзы, рассматривая лётчика. Советский. Глаза открыты. Признаков жизни не подаёт. Висит высоко, но, кажется, Мишка уловил запах разложения. Этот подождёт.

– Ну, что там? – спросил Мишка старика.

– Кажись, собираются идтить до лесу.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, будут прочёсывать лес. Решение надо принимать срочно. Мишка с удивлением отметил, что в экстренных ситуациях у него стал исчезать страх, голова начинала работать, словно вычислительная машина, появлялись совершенно неожиданные простые действенные решения. Всё это он прибавил к уже открытым снайперским талантам.

– Ищем твоих и мне надо предупредить своих.

Поиски завершились быстро, те сами вышли на Мишку и его спутника. Выяснить отношения времени не было и Мишка, к явному недовольству одного из солдат, взял командование в свои руки. Ещё одна неожиданная черта – способность командовать проявилась у Пананина. В прошлой жизни Мишка боялся оказаться в центре внимания. А здесь он не только командовал, но и чётко знал, что надо делать.

При солнечном свете, Мишка легко ориентировался в лесу, вот и ещё и один приятный бонус. Ему не составило труда привести новых знакомых в созданный лагерь.

Лейтенант выслушал Мишкины предложения и согласился. Все останутся в лагере, займут позиции для отражения атаки, если немцы на них выйдут. Сам Мишка с пулемётом МГ постарается увести врага в сторону от лагеря.

Лейтенант крепко пожал руку, Кухарин сдавил плечо, а Лена смотрела на него словно на героя. Мишка улыбнулся.

Перед глазами сразу встал образ Терёхина.

– Мне с них должок надо получить.

– Ты это, вертайся, – буркнул старик, оказавшийся сорокалетним дядькой, с интересным именем Варфоломей.

– Живы будем, не помрём.

Мишка удачно расположился со своим пулемётом под завалившимся стволом дерева. На самом фланге развёрнутой вражеской цепи солдат. Небольшая поляна дала возможность видеть их как на ладони. Пропустив немного ближайших врагов мимо себя, первой очередью уложил на землю сразу троих, оказавшихся на линии огня. Не обращая внимания на действия немецких солдат, Мишка рванул в сторону дороги, старясь выйти в тыл тем, кто в лес не пошёл. У самой опушки оглянулся и заметив движение в свою сторону, лёг за старый пенёк и дал очередь по шевелящимся кустам. И опять сделал рывок в сторону дороги. Тяжеловат МГ, но Мишка не обращал на это внимания. Он даже не замечал своего живота, который раньше при попадании в прошлое всегда мешал. Ещё им овладел не здоровый азарт. Как в компьютерной игре. Пот вот только мешал сильно, заливая глаза. Рукава гимнастёрки промокли от постоянных вытираний лба и висков. Гимнастёрка на спине, груди и животе неприятно липли к телу.

Мишка перемахнул через дорогу. Из кювета по опушке сделал несколько выстрелов и подхватив пулемёт вместе с коробкой для лент, помчался дальше, заходя в тыл колонне. Танка на дороге не было. Две автомашины, три мотоцикла и всё. Мишка выбрал небольшой холмик, с которого просматривалось место вражеской стоянки, и в несколько очередей расстрелял остатки ленты. Одна из автомашин загорелась. Пули рвали тент на грузовиках, терзали тела мотоциклов вместе с их пассажирами.

– Надеюсь, что теперь откажитесь от прочёсывания леса? – Мишка злобно усмехнулся.

Для возвращения в лагерь, ему пришлось сделать внушительный крюк. Когда эйфория боя отступила, Мишка ощутил, как он сильно устал, как невероятно тяжёл пулемёт. Желание всё бросить и свалиться отдохнуть с каждым шагом становилось убедительнее. Неожиданно его ударили сзади, и он потерял сознание.

– Быстров, полегче не мог? Когда он теперь очухается?

– Товарищ капитан. Так получилось. Я как увидел, что у него немецкий пулемёт на плече, так и приложился.

– Хорошо, что хоть не убил. А форму его не видел? Будет тебе фашист пешком ходить и к тому же совсем один. Головой, когда думать будешь? Она ведь не только для того, чтобы в неё есть и носить каску.

– Так я и думал, – обиделся Быстров.

Из подслушанного диалога Мишка понял, что попал к своим.

– Дайте попить, – проворчал он и медленно сел, как оказалось, он лежал на подводе.

– Очнулся! – радостно сообщил Быстров.

Мишка посмотрел на молодое лицо высокого бойца и улыбнулся. Кто-то сунул кружку с водой. Мишка пил не торопясь, мелкими глотками, от холодной воды сводило зубы. Вокруг подводы собрались любопытные.

– Пулемётик где утащил?

– Ну да, с таким хозяйством в виде рюкзака спереди, только утащить и можно.

– Их интендантов?

– Из хоззвода, – ответил Мишка, вытирая рукавом губы.

Собравшиеся рассмеялись.

– Чего собрались? Разойдись! – скомандовал капитан. – А ты вставай, пойдёшь со мной. Быстров сопроводишь нас.

Под заинтересованными взглядами красноармейцев, Мишку привели в палатку. За импровизированным походным столом сидело трое командиров. У одного в петлицах виднелись звёзды.

– Товарищ полковник, задержанный доставлен.

Капитан отошёл в сторону, пропуская вперёд Мишку.

– Кто такой? Вид у тебя словно стая собак валяла в песке. Служил в какой части? Со складов, поди?

Мишка вытянулся, подобрал живот, насколько это оказалось возможным.

– Никак нет, товарищ полковник. Хоззвод, помощник повара 444-го стрелкового полка 108 стрелковой дивизии красноармеец Пананин.

– Как же ты в живых остался, Пананин?

Мишка рассказал всё, что видел, как их пленили, как убили Терёхина, как его засыпало землёй.

– Складно говорит, товарищ полковник, – на Мишку глянули жёсткие, не предвещающие ничего хорошего, глаза командира, с красной звездой на рукаве. – Мы проходили там. Все погибли. Живых никого не осталось.

– Допустим. Что делал дальше? – полковник закурил и продолжал взирать на Мишку исподлобья.

– Похоронил Ивана Николаевича и пошёл искать своих, – пожал плечами Пананин.

– Где взял портупею с наганом и пулемёт?

Пришлось Мишке рассказывать о брошенном грузовике, о встрече с лётчиком, санинструкторе и красноармейцах.

– Собиратель какой-то, – фыркнул командир со звездой на рукаве. – С такими данными и бегать от немцев с МГ? Мне кажется, что этот клоун нас разыгрывает.

– Постой комиссар. Капитан, отправляй разведку по данным красноармейца. Пусть проверят его слова и приведут всех сюда. Бойца накормить, но глаз с него не спускать. Идите.

Когда капитан и Мишка вышли, полковник в задумчивости затушил сигарету.

– Странный он какой-то. Только понять никак не могу, что меня в нём напрягает. Вид, конечно... Но он помощник повара. На кухне можно отъесться. Он тут упомянул, что их формировали на окраине Минска. Это получается он в армии около недели. Когда бы он мог отъесться. Всё же не это меня смущает.

– Согласен, Алексей Викторович, странный он. Но пока предпосылок не доверять ему, у нас нет, – вступил в разговор третий командир.

– Сергей Сергеич, да у него всё шито белыми нитками. Сказка на сказке и сказкой погоняет, – парировал комиссар.

– Спешить, однозначно, не следует, – подвёл итог полковник, – вернётся разведка, и всё узнаем.

Странное дело, но Мишка не волновался, а дрых без задних ног. Красноармеец, которому доверили его охрану, только удивлялся такому спокойствию и крепкому сну. Мишка улыбался во сне и почавкивал. Быстрову оставалось лишь завидовать. Последние несколько дней их полк находился в постоянном контакте с врагом. Продовольствия и боеприпасов не хватало, спали урывками. Первые сутки, когда немцы не тревожили отряд.

А Мишка во сне опять разговаривал с Терёхиным. Он, как и в первый раз после гибели, бледный, присел рядом, и глядя в сторону, заговорил.

– Ты здесь не случайно, Мишаня. Судьба даёт тебе шанс ощутить себя человеком. Жизнь, она не одна, как думают многие. Жизнь даётся разная. Кому-то приходится зверушкой побыть,

а кому и опять человеком, чтобы отработать карму своего рода и зачастую свою прошлой жизни. Тебе надо просто поверить в себя. Пока ты многого не умеешь, но всё поправимо. Используй то, что тебе дано. И девушку не обижай. Она твой залог жизни...

Мишка хотел задать вопрос, но Терёхин исчез...

Мишке поверили, хотя комиссар продолжал смотреть в его сторону с подозрением, несмотря на подтверждение слов лётчиком, санинструктором и красноармейцами, которых привела в отряд разведка. Пулемёт и наган не вернули, выдали винтовку с пулей, застрявшей в прикладе, и пять патронов.

Полковник решил прорываться на соединение с основными силами дивизии атакой через близлежащее село, мотивируя решение, что с ранеными на подводах по лесам и дорогам идти долго, а ситуация на войне меняется быстро. Разведка не нашла крупных сил противника и доложила о наличии в населённом пункте до полувзвода солдат.

Атаку запланировали на 5 часов утра.

Мишка сидел у костра и задумчиво смотрел на огонь. Рядом расположились Кухарин и Варфоломей. На душе было тоскливо и уныло. Новая жизнь в прошлом резко контрастировала с прошлой жизнью в будущем. Там он пачками уничтожал врагов на компьютере и мог в любой момент возродиться, если, вдруг, погибнет. Здесь, если убьют, то значит – убьют. Совсем убьют. Хотелось вернуться назад в тишину и спокойствие, к родителям. Теперь он с удовольствием бы выслушал мамины претензии по поводу его своей жизни. Получил бы от отца нагоняй за украденные деньги. Наверное, лучше так, чем сидеть у костра с винтовкой в руках и ждать утреннего боя, в котором неизвестно, выживет он или нет. Мишка не раз задавал себе вопрос. Кто для него эти люди вокруг? Предки. Только воевали они за советскую власть, за советскую родину и Сталина. А он родился в совершенно другой стране, где советское прошлое осталось в ветеранах, пенсионерах и в истории. Он уже столько раз удивлялся тому, как ведут себя люди этого времени по отношению друг к другу. Делятся последним сухарём, прикрывают собой от пуль, отдают последнее. Терёхин постирал его исподнее, и никто ничего ему не сказал, словно это в порядке вещей. В будущем засмеяли бы. Тут подтрунивают друг над другом, но в любой момент готовы прийти на помощь. Люди здесь, действительно, другие. Там, в будущем, если бы случилась беда, вряд ли кто из его, так называемых друзей, пришёл бы на помощь. А здесь он почему-то уверен, что придут не только друзья, но все, кто окажется рядом. Вот ведь парадокс. Они живут бедно, без компьютеров, машин, телевизоров, даже радио есть не у всех, но любят свою родину, землю, край и деньги для них не главное. Потомки живут прилично, имеют машины, квартиры, дачи, падают на деньги и стремятся уехать за границу, забывая свои корни, родину, дом.

Мысли теснились в голове, рождая такие вопросы, на которые ответить Мишка оказался не в состоянии. Он понял, что ценности изменились со временем, но никак не мог понять почему. Смена строя, другие отношения и всё такое, понятно. Где самопожертвование ради других, ради своей родины? Такие люди, конечно, ещё остались, но их мало. Очень мало...

– Можно?

Вопрос прозвучал над ухом Мишки неожиданно, он дёрнулся, и чуть не уронил винтовку в костёр.

– Извините, – Лена стояла рядом и немного растерянно смотрела в сторону. – Вы не спите, а я тоже не могу заснуть. И решила посидеть с вами у костра.

– Да, конечно, – Мишка засуетился, освободил место на бревне рядом с собой. – Присаживайтесь.

Несколько минут они сидели молча, наблюдали как огонь в костре пожирает дрова. У каждого заготовлены слова, но решиться никак не могли.

– Завтра бой, а мне надо вам сказать. Мне надо сказать... – Лена запнулась на этих словах и если бы не ночь, то было бы видно, как покраснели её щёчки. – Я хотела сказать, что... Тогда, при первой встрече, у вас был такой взгляд, словно готовы были поднять меня на руках. Словно... Вы даже забыли про раны на ногах. Я тогда растерялась. Не знала, что мне делать. А потом были бои. Смерть, кровь. Всё само собой забылось. Полк разбили. Сначала отступали, нас много было, а потом мы вдруг остались четверо. Когда вы к нам пришли, нас уже было трое. Саша, лейтенант, умер. До самого последнего вздоха уверял, что ещё встанет на ноги. А я знала, что у него гангрена ног и лёгкое пробито. Чудо, что он с таким ранением протянул несколько дней без лекарств. Мы все были готовы к тому, что скоро умрём как Саша. А когда появился ты, я... я... почему-то поверила, что ещё не всё закончено. В первый раз ты мне показался нескладным и неповоротливым, неспособным ни на что. А когда ты схватил тяжёлый пулемёт, словно пушинку, и сказал, что уведёшь немцев в сторону, я поняла, что внешность обманчива. Ты настоящий герой.

– Какой я герой, – ответил Мишка, которого сильно зацепили слова санинструктора Лены. – Герои другие. Я вот не знаю, что буду делать, если танк поедет прямо на меня. Сбегу, наверно.

– Не верю, – засмеялась Лена. – Такие не убегают.

Мишка почувствовал, как сдавило сердце. Прекрасная девушка, которая повидала на этой войне уже достаточно много, говорит именно о нём, как о герое. О нём! Странное ощущение. Он смутился. Может, она просто шутит? Мишка украдкой глянул на серьёзное лицо девушки. Она действительно верит, что он способен совершить героический поступок? Мишка завис на некоторое время.

– Ты меня слышишь?

– Задумался, – Мишка погладил ладонью цевьё винтовки.

– Тебе надо поспать. И что будет завтра, мы не знаем.

Мишка кивнул, а Лена тихо поднялась со своего места и ушла в темноту.

Утренняя прохлада проникла под гимнастёрку. Мишка пытался согреться, размахивал руками, но всё равно зуб не попадал на зуб.

На короткое время он вернулся мыслями к разговору у костра, но затем они перескочили на предстоящую атаку. Мишка никогда в атаку не ходил, даже в окопе не сидел, когда враг наступает и стреляет в тебя. Тут надо бежать в полный рост и надеяться только на свою везучесть и милость судьбы. С пулемётом было проще, дал очередь и удирай, меняй позицию. В тыл колонне забежал, они не сразу поняли, откуда ведётся огонь. Сейчас будет всё по-другому.

«Какой ты, Мишка, герой, у тебя даже коленки трясутся от одной мысли, что сейчас идти в атаку на пулемёты. А пулемёты у них точно есть, и не один, а может и не два. Выкосят, как газонокосилкой. Это не игра...».

К клацанью зубов и дрожанию коленок добавилось ощущение реальности.

«Если меня убьют, то я умру... Меня больше не будет... А Лена?.. Как это меня не будет? Меня не могут убить!»

Село чуть виднелось в предрассветных сумерках, когда отряд достиг крайних домов. Снять часовых на посту без шума не удалось. Первым сюрпризом оказались два пулемёта, замаскированных в окраинных огородах. Атакующие порядки наткнулись на шквальный огонь. Атака была сорвана. Хотя небольшой отряд, к которому прикрепили Мишку, сумел прорваться на улицы села с восточной стороны поселения. С боем добрались до небольшой церкви и встретились со вторым сюрпризом. Два бронетранспортера с пулемётами и танк не оставили шансов атакующим. Мишка не успел забежать за угол церкви, когда рядом встал столб земли. В голове что-то разорвалось, и свет, вспыхнув ярко, резко погас...

Постепенно вернулось сознание. Тяжёлые веки медленно поднялись, но света не было. Попытка пошевелиться лишь разбудила головную боль. К пересохшему горлу подкатила тошнота, хотелось пить. Шершавый, будто раздувшийся язык, не повиновался. С трудом, через боль, перевернулся на бок. Глаза сразу выхватили тоненькую полоску света, проникающую, по всей видимости, из-под двери. Стало немного легче. То ли от изменения положения тела, то ли от увиденного света. В затылке ощущалась тяжесть, на ощупь оказалась довольно солидная шишка.

«Живой. Осталось понять, где я? Изрядно головой приложило. Запах. Этот запах не спутать ни с каким другим. Ладан!»

Запах далёкого детства, когда бабушка водила его в маленькую покосившуюся церковь и заставляла креститься. Отец относился к этому спокойно, а мама всегда была против. Бабушка ставила свечи, усердно молилась и шептала слова молитвы. Громкий голос священника охватывал всё пространство и проникал внутрь Мишки. Когда вступал хор, Мишка вовсе сжимался и представлял себя маленьким комочком, вокруг которого кружится огромный мир со своими делами и заботами. Превращаясь в маленького незаметного мальчика, он с благоговением разглядывал высокие потолки с красивыми рисунками, иконы со святыми, обрамлённые золотым или серебряным окладом. И вдыхал аромат ладана и восковых свечей. Мишка ведь не просто так ходил в церковь, а именно для того, чтобы лишний раз вдохнуть этот аромат.

«Выходит, я в церкви. Наверное, священник спрятал меня. Село взять, похоже, не смогли. Что стало с Леной? С Кухариным, лётчиком, Варфоломеем?..»

Неожиданно дверь медленно и тихо открылась. Священник в длинной чёрной рясе с зажжённой свечкой в подсвечнике подошёл к изголовью и положил мозолистую ладонь на лоб Мишки. Боль сразу ушла.

– Давно очнулся? – раздался спокойный мощный голос.

Мишка даже вздрогнул.

– Недавно, – с трудом выдавил он слова и ощутил новый прилив тошноты.

– На вот, выпей-ка. Тебе только на пользу пойдёт, – у засохших губ нарисовалась кружка с вкусным запахом. – Смелее. Травки это. Помогут телу укрепиться.

Мишка, не обратил внимание на горечь, и выпил снадобье полностью.

– Вот и хорошо, – кивнул одобрительно священник. – Меня зови отец Иоанн. Тебя как звать – величать?

– Мишка. Михаил.

– Ушёл твой отряд обратно. Многие нашли свою смерть на подступах села. Многие. Ты вот прямо на крыльцо церкви упал. Видно взрывной волной направило прямо к Господу. Крещён ли?

– Бабушка говорила, что крестили меня маленьким. Я с ней часто в детстве в церковь ходил.

– А почему крестик не носишь? Комсомолец?

Мишка растерялся.

– Я потерял крестик, когда мне было девять лет. Цепочка разорвалась, и обронил где-то. Комсомольцем не был, но на записи в призывном пункте назвался комсомольцем.

– Ты я погляжу пришлый, – с каким-то серьёзным раздумьем проговорил отец Иоанн. – Не нашенький. Из какого ты мира, мил человек?

Мишка завис. Обычный священник раскусил его влёт.

– Не хочешь говорить, не говори. Только я думаю, что ты из мира, где чревоугодие стало нормой. Войны у вас там нет, живёте относительно хорошо. Так?

– Так, – кивнул в ответ Мишка.

– Если ты появился у нас во время лихой години, значит недостойно жил там, не мог найти своё место. И здесь ты для того, чтобы понять суть жизни.

– Я убивал.

– Убивать врагов не грех. Грех – остаться в стороне и не помочь своей Родине в тяжёлую минуту. Отдыхай сегодня. Вода у двери в ведре. Поесть принесу попозже. А завтра ночью выведу тебя из села. У воина только одна дорога – бить врага. Одень крестик. Это твой. Не забывай бога, и он не забудет тебя.

Отец Иоанн перекрестил Мишку и также тихо ушёл.

Ночью они вышли из потайной двери подземного хода за селом на дно небольшого овражка, густо поросшего колючим кустарником.

– Иди и помни, ты – воин, защитник земли русской. Благословляю тебя на великие дела.

Отец Иоанн перекрестил Мишку.

– Винтовка твоя раскололась, осколок разбил. Прими от меня на память это нож. Пусть он послужит верой и правдой тебе и Отечеству.

Мишка принял дар. Очень хотелось посмотреть, как выглядит нож, но в ночной темноте этого сделать не получилось.

– Думаю, куда идти разберёшься и без меня.

Отец Иоанн прошептал молитву и ещё раз перекрестил Мишку.

Кроме ножа священнослужитель передал небольшой холщовый мешок с едой. Голова ещё была тяжела, но боли не было, и мысли текли ровно и ясно. Направление он выбрал в ближайший лес, надеясь с рассветом добраться до прежней стоянки отряда.

Что Мишка надеялся увидеть здесь, он и сам объяснить не мог. Здесь, на краю поляны, размещались раненые. Видны обрывки бинтов, кусочки ваты, сапог с разрезанным голенищем. Кругом примятая трава, следы от бывших костров. Вот на том бревне они сидели с Леной. С другого края поляны свежий могильный холмик с лежащей на земле пилоткой. Мишка присел на прежнее бревно. Горлышко мешка было затянуто длинной бечевой. Так что мешок можно было носить на плече, освобождая руки. Хлеб, сало, лук, спички, чистое полотенце и несколько картофелин, сваренных в мундире. Самым интересным подарком, конечно, являлся нож. Мишка с неимоверным трепетом отстегнул его от поясного ремня. Нет, камней самоцветов и дорогих металлов на ножнах не было. По всей поверхности проходила затейливая резьба со странными зверями и птицами. Такой же резьбой неизвестный мастер покрыл и рукоятку ножа. Клинок остро заточен с одной стороны, поблёскивал синеватым отливом. Мишка отметил, что рукоятка удобно легла в ладонь.

– Умели ведь делать! – воскликнул Мишка. – Старинная вещь.

После долгих мучительных мысленных процессов, он принял решение идти в ту сторону, в которую выводил отряд полковник. К своим.

С того момента, как Мишка попал в прошлое, в нём изменилось многое. Снайпер, кто бы мог подумать раньше. Способность командовать и просчитывать ситуацию, хотя с математикой дружен не был, потеря страха оказаться в центре внимания. В автотехнике он разбирался более или менее, а теперь удивился, что легко разобрался с немецким мотоциклом. С оружием если немного повозиться, то можно разобраться без чужой помощи. Самым главным пониманием ему пришло другое. Родина. И пусть у него нет в этом мире родных, но зато есть Родина! Родина, которая в опасности, которую надо защищать. Есть друзья, есть люди, мирные люди, чьи жизни висят на волоске. У Мишки впервые в жизни появилась реальная цель, стать хорошим солдатом, защитником отечества.

Над головой в безоблачном небе тянулись бесконечные армады немецких самолётов. Изредка их строй нарушали маленькие самолёты с красными звёздами на крыльях. Дороги запружены наступающими частями вермахта. Грохот разрывов доносился издали с разных сторон. Казалось, что громыхало везде. Ориентироваться на звук не представлялось возмож-

ным. Мишка решил добыть карту. Одно дело полковник махнул рукой и указал направление по прямой и другое, когда ты сам знаешь, где лучше пройти и как. Вот только и карту надо как-то добыть.

Не зная даты, времени, не имея оружия, кроме ножа, пробирался Мишка Пананин к своим, направлением на восток. Обходил скопления врага, переживал, когда военные колонны пройдут, чтобы пересечь дорогу. Ел мало, сэкономил. С водой проблем не возникало. Стеклянная фляжка при встрече с ручьём ополаскивалась и набиралась по новой. Шёл он дня три, а к своим так и не сумел выйти.

– Может, как в книгах сделать? Создам свой отряд, будем партизанить и врага крушить, где встретим. Или всё же пытаться выйти к своим?

За тяжёлыми раздумьями он не сразу заметил блеснувшее ровной гладью небольшое озерцо в стороне от дороги. А на берегу трёх немецких солдат.

– Плещетесь, гады, – прошептал Мишка, осторожно подкрадываясь к троице по густым зарослям ивняка, осторожно ступая и раздвигая ветви. В руке сжимал подаренный нож.

Он уже находился в нескольких метрах от выхода из ивняка, когда запнулся и начал падать в небольшой овражек. Испуг, непродолжительный полёт, нож втыкается во что-то упругое и со странным звуком, похожим на скрип входит глубже. Всё произошло довольно быстро, но для Мишки именно этот скрип длился чуть ли ни минуту.

Выдернуть нож сразу не получилось, Мишка завалился на бок и выпустил рукоятку из ладони. Замер. Прислушался. Вроде тихо. Нос уловил неприятный запах. Мишка медленно перевернулся на живот и застыл с выпученными глазами. Перед ним, уткнувшись лицом в край овражка, сидел на корточках немец. В спине торчал Мишкин нож. Штаны на немце были спущены.

– Это чего? Я убил?

Через пару минут шок отошёл и Мишка понял, что коленом размазал то, что теперь так сильно издавало запах.

Презрительно глядя на вымазанное колено, он схватил кипу лежалых листьев и постарался затереть полученное пятно. Брезгливая гримаса не прошла и после того, как удалось немного привести штаны в порядок. Запах никуда не делся и ведь нож надо вытаскивать.

Приступ тошноты подкатил к горлу. Мишка с трудом справился с этим. Нож в теле немца засел хорошо, пробив ткань мундира и кожаный ремень автомата.

Преодолевая тошноту и брезгливость, Мишка вытянул нож и на вытянутой руке обтёр его о мундир врага.

– Автомат! Подарок случая! – забормотал Мишка и прошёлся по карманам убитого.

Солдатская книжка, фото, губная гармошка. К этому стоит прибавить сам автомат с с подсумком и двумя запасными обоймами и гранату.

Мишка сложил находки в кучку, взял автомат и осторожно вылез из овражка, который был скорее углублением, размытым водой в половодье. Трое прежних солдат в трусах плескались недалеко от берега. Место, где они оставили одежду, оказалось за раскидистой ивой. Виднелся край форменной куртки, повешенной на ветку. Отсюда хорошо просматривался обрывистый берег с проложенной к воде дорогой.

На пригорке, куда выбрался Мишка, неприятный запах сносило ветром, и мысли лихорадочно заработали.

«Трое в воде. Оружие за кустом. Этот, засранец, уже в минус. Он охранял их? Или просто пошёл до кустиков? С оружием может остаться ещё кто-нибудь. Они пришли пешком или приехали? Так, если приехали, значит должен быть мотоцикл. Два мотоцикла. Фрицев должно быть шесть. Двоих не видно. А если на машине? Надо выползть наверх и осмотреться».

Прежде, чем выполнять задуманное, он распределил трофеи. Когда вылезал из углубления, оглянулся на убитого.

– Тебя же искать будут! И, боюсь, что очень скоро, – Мишку пробил холодный пот, когда он понял, что времени у него практически нет, чтобы оставаться незамеченным.

И откуда только взялись молодецкая прыть и чудовищный азарт, подталкивающий к активным действиям. Наверху никого не оказалось. А вот у кустов, в тени ивы, расположились два солдата с винтовками и весело поглядывали на своих камрадов в воде. Рядом стояли два мотоцикла. Хорошая возможность убрать обоих фрицев одной очередью. Не промазать бы.

Мишка попытался сообразить, как лучше действовать, но ничего лучше, как просто расстрелять немцев в упор, не придумал. Он выскочил к ним и одно очередью срезал обоих. Не торопясь пошёл навстречу купающимся. Камрады дёрнулись было к берегу, но остановились, понимая, что к оружию добежать не успеют. Мишка не стал долго думать, дал две очереди, но поразил только одного из трёх. Остальные рванули вплавь через озеро.

Хорош автомат в ближнем бою, а вот на расстоянии точность падает. Но ничего, немецкая винтовка есть под рукой. Выстрел и остался уже один. Ещё выстрел и только круги на чистой поверхности озера.

Мишка быстро покидал в коляску одного из мотоциклов вещи, винтовки, пулемёт со второго мотоцикла, ранцы, канистру с топливом. Обрезал провода у оставляемого мотоцикла, пробил колёса.

С трудом развернулся на песке и погнал нагруженный трофеями мотоцикл подальше от этого места. Главное не нарваться неожиданно на фашистские части.

Несколько километров по полевой накатанной дороге в направлении виднеющегося вдали леса и поворот на чуть заметную, заросшую травой тропу.

В лес влетел на приличной скорости, проскочив чудом между двух пеньков. Заглушил мотор, огляделся, но слезть с мотоцикла не дали.

– Хенде хох, фашист! – прозвучал молодой звонкий голос.

– Пошёл ты! – ответил разгорячённый гонкой Мишка.

– Я тебя сейчас кокну, сволочь фашистская! – за спиной раздался звук передёргиваемого затвора. – Я таких, как ты, прислужников уже много убил! И тебя убью!

«Что тут скажешь. Парень на нервах, а тут непонятный военный в красноармейских форменных штанах, немецком мундире, каске и очках. Пристрелит запросто».

– Чувак, успокойся, свой я. Ты только со страха в меня не пальни.

В это время опять раздался звук передёргиваемого затвора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.